

Б₂₁ 1157

10800

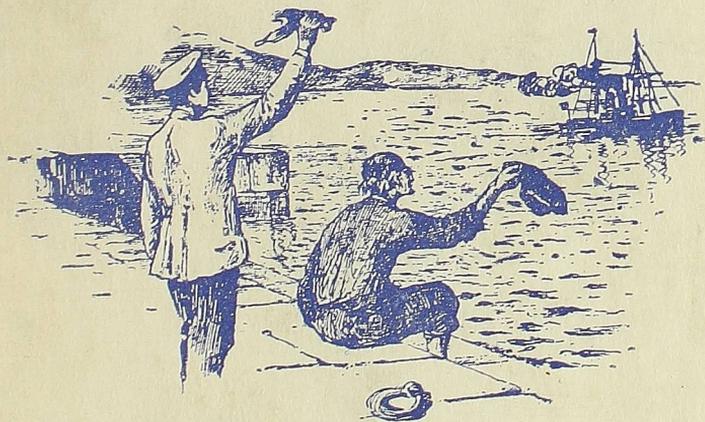
БИБЛИОТЕКА ДЯ ЮНОШЕСТВА

Книга

1

ИВ. ШМЕЛЕВЪ

НА МОРСКОМЪ
БЕРЕГУ

Бѣлградъ

1930

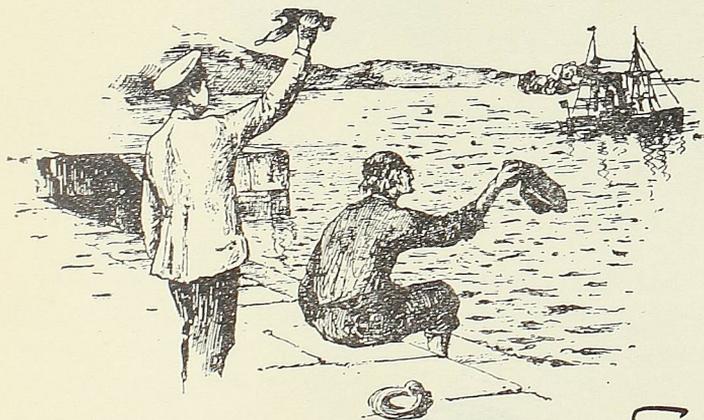
1621 115
БИБЛИОТЕКА ДЯ ЮНОШЕСТВА

Книга

1

ИВ. ШМЕЛЕВЪ

НА МОРСКОМЪ
БЕРЕГУ

Александру Ивановичу Белому

Бѣлградѣ

отъ редакціи журналовъ "Солнце" и "Звезда"

1936

за забаву о прекрасномъ писателѣ

Марта 1920г. Ив. Шмелевъ

Печатается въ количествѣ 1 000 экземпляровъ.
Droits de reproduction et de traduction réservés pour tous pays.

I.

оржикъ...

Изъ длиннаго ряда ушедшихъ дней встаетъ предо мной хрупкая фигурка. Ясные глаза вдумчиво глядятъ на меня съ блѣднаго личика, и тонкій голосокъ спрашиваетъ наивно-важно:

— Какъ вы на это смотрите?

Гдѣ теперь онъ?

Когда мнѣ становится особенно грустно, иду я туда, гдѣ могу встрѣтить дѣтей. Иду на бульваръ, присаживаюсь на скамью и смотрю. Шумно и весело играютъ маленькіе люди, и невѣдомая имъ жизнь, кажется, сама съ улыбкой приглядывается къ нимъ. Смотрю на оживленныя лица, слушаю звонкіе голоски. И хочется подойти къ задумчивому мальчугану лѣтъ семи, съ блѣднымъ лицомъ и ясными большими глазами. Хочется взять его за тонкія плечики, заглянуть въ лицо и спросить:

— Ты не Жоржикъ?

Нѣтъ. Теперь онъ большой, большой. Теперь онъ уже не носитъ короткихъ штаниковъ и башмачковъ на пуговкахъ. Теперь уже не играетъ въ лошадки, не горятъ его щеки, и

не открываются такъ широко глаза и не спрашиваютъ, какъ бывало. Онъ теперъ многое знаетъ. А его сердце... прежде ли оно?

Не знаю.

Вспомнишь о Жоржикѣ — и становится рядомъ съ нимъ тощая и сгорбленная фигура стараго Димитраки, съ трясущейся головой, съ клочьями ваты, вылъзающей изъ продранной куртки. А вотъ и крупный корпусъ капитана, дяди Миши. Какъ сейчасъ вижу его, рослаго и коренастаго, словно вылитаго изъ мѣди, лѣтъ за пятьдесятъ, съ обвѣтреннымъ, свѣжимъ лицомъ и сѣдѣющими подстриженными усами. Милый капитанъ! Вспоминаете ли вы о вашихъ „японскихъ лозахъ“ и черепахахъ? Милѣйшій капитанъ... Онъ искусно водилъ по морямъ гигантскіе пароходы, исколесилъ океаны и повидальтаки свѣтъ. Онъ выдержалъ сотни штормовъ и благополучно вошелъ въ тихую пристань. Ему покорялись морскіе валы и бури, и все же онъ искренно признавался, что маленькое сердце для него куда неизвѣстнѣй морскихъ глубинъ и теченій, которыя онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ. Это онъ мнѣ и высказалъ при первой же нашей встрѣчѣ.

— Прошу, — плавнымъ и важнымъ взмахомъ указалъ онъ мнѣ на кресло сбоку стола. — А-а... — протянулъ онъ, бросивъ взглядъ на мою визитную карточку. — О васъ мнѣ и говорили... Вы математикъ? А-а... Какъ разъ то, что мнѣ нужно.

Онъ говорилъ увѣренно и кратко, словно отдавалъ приказанія.

— Математика — главная штука въ жизни. Мѣра и цифра. Это важная вещь. А вы какъ на это смотрите? А въ дѣлѣ воспитанія она, положительно, необходима. Не правда ли?

Я не успѣлъ высказаться, что въ воспитаніи мелюзги, хоть и математикъ, я прибѣгаю не только къ мѣркѣ и циркулю, какъ капитанъ продолжалъ, закуривая сигару:

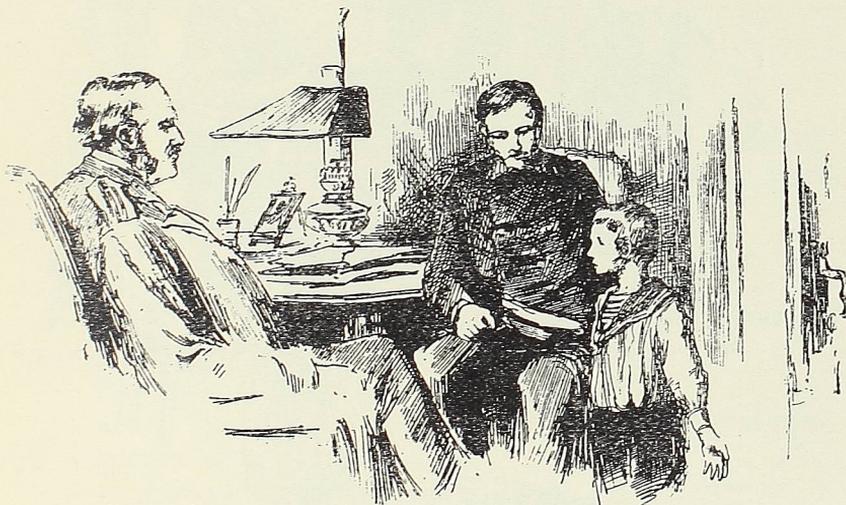
— Буду кратокъ. Мнѣ нуженъ образцовый воспитатель къ племяннику. Онъ почти сирота. Отецъ померъ давно, мать, моя сестра, серьезно больна и лѣчится за границей. Парень на моемъ попеченіи... Ему только семь лѣтъ. И вотъ я хочу серьезно взяться за дѣло. Почему? Это вы сейчасъ увидите и, надѣюсь, поймете меня вполнѣ.

Онъ затянулся сигарой и продолжалъ, постукивая рукой

по краю стола, словно хотѣлъ придать еще больше вѣсу словамъ:

— Парнишка слишкомъ изнѣженъ. Я не совсѣмъ точно выразился: онъ живетъ больше сердцемъ, чѣмъ разсудкомъ. Вотъ! Онъ слишкомъ чувствителенъ и мягокъ. Однимъ словомъ, у него нѣтъ воли, нѣтъ характера. Вы меня понимаете? Такихъ людей жизнь здорово завязываетъ въ узелъ. Я слишкомъ повидалъ свѣтъ, чтобы думать иначе, но самъ я... я, видите-ли, не рискую взять на себя воспитаніе... Онъ слишкомъ меня любитъ и... Однимъ словомъ, вы понимаете, какъ трудно...

— Дядя Миша! — раздался за дверью тонкій, настойчивый голосокъ.

— Нельзя. Я за-нять! — рѣшительно крикнулъ капитанъ.

— Но, дядя Миша... Мнѣ нужно!..

— Вотъ-съ, — бросилъ мнѣ капитанъ, — Когда не нужно, онъ настойчивъ. — Я сказалъ русскимъ языкомъ: я за-нять!

— Нужно мнѣ! Ты пойми, что нужно...

Дверь кабинета приоткрылась, и просунулось нѣжное, блѣдное личико. Два свѣтлыхъ глаза съ любопытствомъ оглядѣли меня и перешли на дядю.

— Что тебѣ?.. — грозно спросилъ капитанъ, хмурия брови. — Сколько разъ, — онъ еще больше возвысилъ голосъ и

поднял палецъ, — тысячу разъ тебѣ говорено: разъ я за-
нять.,?

— Но Маланья опять кота выдрала!

— Выйди...

— Она не смѣетъ! Мой котъ! Ты ей скажи, чтобы она...
У кота котята!

Дядя Миша грозно поднялся, сдерживая улыбку, при-
чемъ его розовыя щеки вздулись и брови насупились, рѣ-

шительными шагами подошелъ къ мальчугану и, ни слова
не говоря, вывелъ его изъ кабинета.

— Парень весь здѣсь, какъ на ладони, — продолжалъ
онъ прерванный разговоръ. — Вы его быстро раскусите.
Важно, какъ я уже говорилъ, обратить особенное вниманіе
на развитіе въ немъ характера, выдержки, силы воли...

И капитанъ подробно сообщилъ мнѣ о всѣхъ достоин-
ствахъ и недостаткахъ племянника. Я принялъ предложеніе.

— Черезъ недѣлю мы ѣдемъ на кавказское побережье... Тамъ у меня имѣніе.

Покончивъ дѣловой разговоръ, капитанъ говорилъ со-всѣмъ добродушнымъ тономъ и даже предложилъ мнѣ сигару.

— Да, море — моя стихія! А какъ оно воспитываетъ характеръ! Я знаю тысячи примѣровъ... Парню полезно будетъ пожить тамъ... А вы какъ на это смотрите?

Выйдя изъ кабинета, я замѣтилъ „парня“. Онъ стоялъ въ передней, въ углу, и потиралъ ногу объ ногу. Чего-то онъ, очевидно, выжидалъ. Заслышавъ мои шаги, онъ вышелъ изъ уголка, смѣло заглянулъ мнѣ въ глаза и спросилъ бойко и дружелюбно, словно мы были съ нимъ очень давно знакомы:

— Вы будете меня учить?

— Буду учить. Тебя какъ звать?

— Жоржикъ. Вы знаете — Георгій?..

И протянулъ ладошку.

— Ну, будемъ друзьями. Такъ у васъ кота выдрали?

— Да, — нехотя сказалъ онъ, пожимая плечами. — Какъ вы на это смотрите?

Эту самую фразу не разъ произносилъ капитанъ.

— Ну, что же... выдрали слегка...

— Все не слегка! — рѣшительнымъ тономъ сказалъ Жоржикъ. — Его нарочно выдрали.

— Нарочно? Почему же это — нарочно?..

— Такъ. Дядя Миша хочетъ отучить меня плакать. Вотъ и велитъ кота драть!

— Ну, конечно, это не такъ...

Я взялъ его за щечку и потрепалъ. Онъ взглянулъ на меня довѣрчиво, ясными, добрыми глазами.

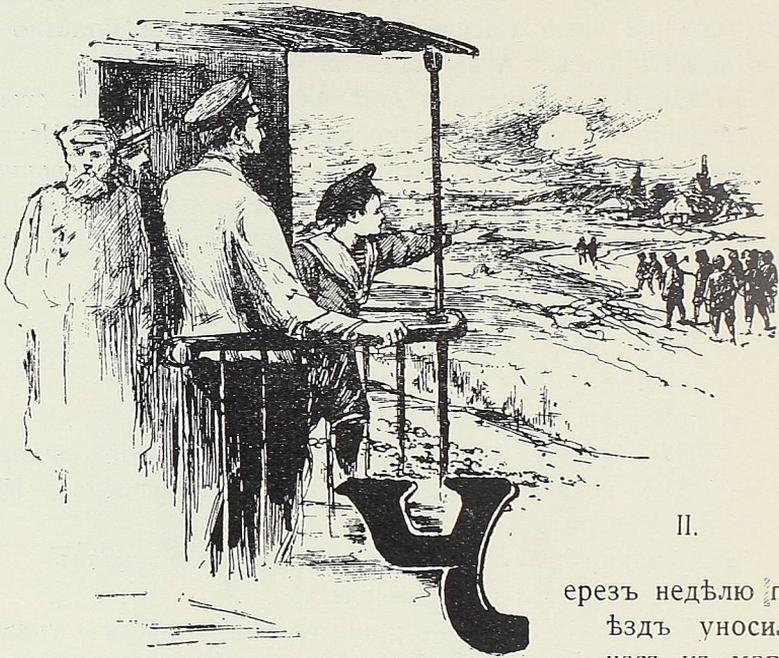
— Позвольте, я вамъ подамъ...

Онъ вскочилъ на стулъ, оборвалъ вѣшалку у пальто и подержать.

Уходя, я слышалъ, какъ онъ бѣшено гремѣлъ ручкой двери и кричалъ, требовалъ:

— Дядя Миша! Теперь ты не займь!.. Мнѣ же нужно!..

II.

Черезъ недѣлю по-
ѣздъ уносилъ
насъ къ морю.

Еще на вокзалѣ капитанъ далъ Жоржику рубль и сказалъ:

— Ты будешь самъ тратить на себя въ дорогѣ. Вечеромъ отдашь мнѣ отчетъ.

— Такъ прекрасно поступаютъ американцы! — сказалъ онъ мнѣ. — Не правда ли? Дѣти постепенно приучаются къ самостоятельности, вырабатывается чувство отвѣтственности...

Вечеромъ Жоржикъ представилъ капитану отчетъ.

— Хорошо. А еще гдѣ полтинникъ?

— Я его стравилъ.

— Что-о?..

— Я стравилъ, — повторилъ Жоржикъ. — На большой станціи, гдѣ я купилъ пирожокъ, лежала тѣма мужиковъ... съ мѣшками... А одинъ и говоритъ: „Скусно?“ Я взялъ и стравилъ имъ. Какъ они кушали!.. — обернулся ко мнѣ счастливый Жоржикъ. — Они сразу — амъ!..

— Это, конечно, твое дѣло, но... такъ не говорятъ — „стравило“! — сказала наставительно капитанъ.

— А поваръ Архипъ всегда такъ говоритъ. Смотрите, смотрите!.. Бѣлыя совсѣмъ горы!..

— И это всегда такъ... разсѣянные мысли!.. — сказалъ мнѣ капитанъ тихо.

— Да, такъ, должно быть, никогда не дѣлають американцы.

Капитанъ улыбулся и махнулъ рукой.

Въ купѣ было душно, и мы съ Жоржикомъ больше стояли въ коридорѣ и смотрѣли въ окно.

Бѣжали назадъ мельницы-вѣтрянки съ подпертыми коломъ крыльями или вращавшимися медленно-медленно, словно усталыя. Бѣлѣли казачьи станицы въ зелени тополей и вербъ, стада гусей дремали на жирномъ черноземѣ. Мѣловые срѣзы холмовъ сияли въ свѣтѣ лѣниваго полудня. Золотились поля уже зацвѣтающаго подсолнечника. Горы каменнаго угля чернѣли на узловыхъ станціяхъ.

Все это было такъ ново, такъ заманчиво-неизвѣстно. Жоржикъ засыпалъ меня вопросами: сильно работала маленькая его головка. Впервые передъ нимъ жизнь развертывала свои необъятныя картины. Я не забуду, какъ широко раскрылись его глаза, когда онъ узналъ, что тамъ, гдѣ молніей пролеталъ по степи нашъ поѣздъ, глубоко подъ землей тянутся темные коридоры изъ каменнаго угля; что подъ нами тысячи людей выбиваютъ новые коридоры и выгрызають мотыками и ломами новыя груды топлива.

— Да, — сказалъ онъ задумчиво, зажмурясь. — Тамъ, должно быть, о-чень темно... Темны-ымъ-темно!.. А вотъ теперь — солнце!

И открылъ глаза.

— Смотрите, какъ мало народу здѣсь! — показалъ онъ на безлюдныя степи, кружившіяся пустымъ просторомъ. — Никого... Он и всѣ внизу, подъ нами?

Вечеромъ, — какъ разъ былъ вечеръ субботы, — поѣздъ долго стоялъ на большой станціи. Мы вышли на площадку.

— Смотрите, смотрите!

Со стороны степи двигалась толпа черныхъ людей. Это шахтари покончили недѣльную работу и возвращались къ себѣ въ поселокъ.

— Это они? Они теперь вышли изъ-подъ земли?

— Да, это они.

Черные люди, съ рѣзко выдѣлявшимися бѣлками глазъ, эта сотня собравшихся трубочистовъ, усталой, колеблющейся походкой переходила рельсы, обогнула хвостъ поѣзда и пропала.

Жоржикъ смотрѣлъ на степь. Краснымъ огромнымъ шаромъ садилось солнце, и въ его яркомъ кровавомъ отсвѣтѣ двигалась къ линіи новая толпа, за ней еще и еще.

Жоржикъ смотрѣлъ. Двинулся поѣздъ, а онъ высунулъ голову и смотрѣлъ, смотрѣлъ.

Поѣздъ дѣлалъ крутой заворотъ, огибая холмы, бѣжалъ прямо на солнце, словно хотѣлъ до него домчатся, пока еще не успѣло опуститься за горизонтъ.

— Ахъ, какое большое солнце! Знаете, оно подъ воскресенье всегда большое... Знаете, праздничное... — сказала задумчиво Жоржикъ. — Завтра и они будутъ видѣть солнце.

— Кто — они?

— А, вотъ, черные, которые шли...

— Да. Завтра и они.

Въ вагонѣ и дядѣ Мишѣ пришлось отвѣчать на многіе вопросы. Капитанъ отвѣчалъ больше въ шутовскомъ тонѣ, и Жоржику это было не по вкусу. Онъ слушалъ однимъ ухомъ и все поглядывалъ на меня, не скажу ли и я чего.

— Такъ-то, братъ! — закончилъ капитанъ. — Всѣ работаютъ. Кто служить, кто уголь копаютъ...

Жоржикъ вздохнулъ, задумался. Зажгли свѣчи.

— Ты повара Архипа прогналъ... — раздумывая, сказала Жоржикъ. — Онъ теперь гдѣ?

Этотъ неожиданный переходъ къ повару поставилъ капитана втупикъ.

— Что за странный вопросъ! Ну, служить гдѣ-нибудь...

— А вѣдь ты же ему сказалъ, что онъ пьяница и ни гдѣ не можетъ служить!.. Онъ, должно быть, копаютъ уголь...

— Чудодѣй! — развеселился капитанъ. — Это почему же?

— А вотъ ты сейчасъ самъ сказалъ: „кто служить, а кто уголь копаютъ...“

Капитанъ ухватилъ Жоржика за щеку, смѣялся, подмигивалъ мнѣ и повторялъ:

— Каковъ! Какъ вамъ это нравится?..

Поѣздъ мчалъ насъ во тьмѣ, въ пустыхъ степяхъ. Нѣтъ, не совсѣмъ въ пустыхъ. Какъ чьи-то незасыпающіе огненные глаза, глядѣли на насъ далекіе пылающіе огни плавленъ, — огромные костры.

— А это что тамъ... пожары?.. — спросилъ онъ меня пугливо.

— Нѣтъ. Это пылаютъ печи плавленъ... чугуны тамъ плавятъ.

— Тоже... они?.. черные?..

— Да.

Онъ лежалъ на верхнемъ диванчикѣ и смотрѣлъ въ окно. Дремалось.

— Дядя Миша! Ты еще не спишь?

— Ну, чего еще... Спать пора.

— Дядя Миша!.. Ты слушаешь? Ты возьми Архипа... Дядя Миша! Знаешь, какую онъ пѣсенку пѣлъ? Да ты слушай!..

— Не кричи ты! Видишь спятъ...

— Ты только послушай... — зашепталъ Жоржикъ. — „Матушка-голубушка, солнышко мое...“

Мы оба такъ и прыснули со смѣху. А Жоржикъ свѣсилъ голову и смотрѣлъ, чему это мы смѣемся.

— Потихе, господа, ночь... — сказалъ чей-то сердитый голосъ.

Спалъ вагонъ. Притихъ и Жоржикъ. Начинало укачивать. Вѣяло степью, ночью, вольною степью въ окно. Что-то съ шумомъ, казалось, гналось за поѣздомъ и кричало въ скрежетъ: до-го-ню... до-го-ню... Часто-часто.

— Огни! огни!! — вскрикнулъ Жоржикъ.

Капитанъ спалъ или притворялся. Я поглядѣлъ въ окно. Снова на горизонтѣ пылали степные огни-печи.

— Смотрите... Опять идутъ!.. Во-онъ... идутъ...

Жоржикъ ошибся: какіе-то столбы стояли вдали; быть можетъ, вышки артезианскаго колодца. Въ свѣтѣ далекихъ костровъ они были тощи и черны, какъ тѣ, кого мы видѣли днемъ.

— Скажите... Что такое — „жись безталана“?

— Почему ты спрашиваешь?

— А вотъ разъ Архипъ... поваръ у насъ былъ... жа-

рилъ разъ котлеты и все головой крутилъ, вотъ такъ... И говорить: „жись ты безталанна!“

— Это значить — жизнь безталанная... Когда человѣку плохо живется, когда жизнь у него неудачная.

— А-а... Я такъ и думалъ.

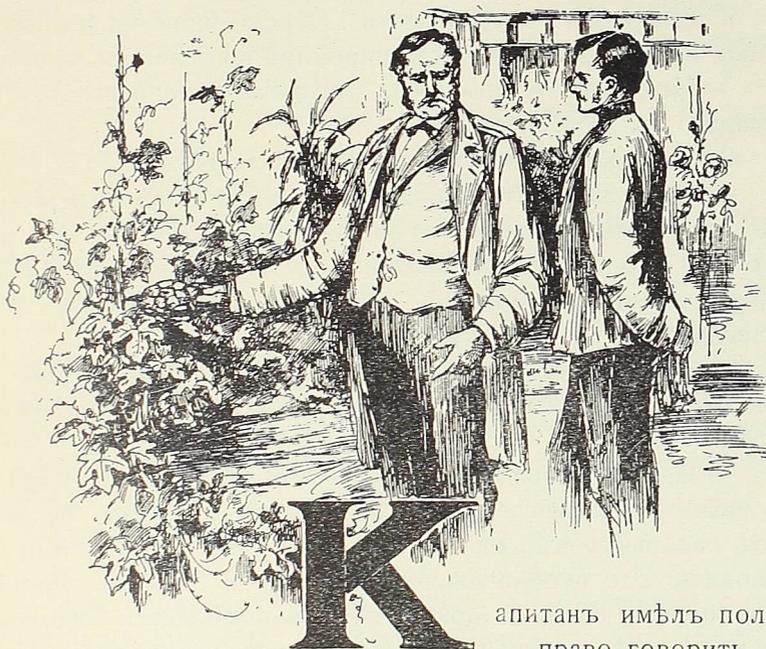
И тяжело вздохнулъ.

Скоро и онъ уснулъ. Тонкая его ручка свѣсилась и качалась отъ колыханій вагона. Тонкая, слабая ручонка.

Мчалъ и мчалъ поѣздъ, а изъ темной степи глядѣли безсонные огни.

Утромъ мы были у моря.

Капитанъ имѣлъ полное право говорить, что послѣ тридцатилѣтняго блужданія по морямъ онъ можетъ твердо стоять на сушѣ. Да, онъ нашель таки хорошую себѣ пристань.

— Небольшое имѣннице, но, не правда-ли, какъ уютно! — говорилъ онъ, въ первый же день прїѣзда, показывая мнѣ садъ. — А сколько труда было! Вотъ и садоводству не обучался, а посмотрите... Что значить поѣздить по свѣту! А какіе рѣдкостные экземпляры!

Мы осматривали садъ и виноградникъ. Жоржика не было: утомленный дорогой, онъ уснулъ на терасѣ, въ креслѣ.

Все въ саду было чисто и опрятно, какъ на пароходѣ. И чего-чего не было здѣсь! Какія-то особенныя „трехфунтовья“ груши съ о. Мадейры. Капитанъ самъ ихъ вывезъ. Китайскіе персики, японская черная слива — такой нигдѣ по берегу нѣтъ!

— Ананасы разведу! Прямо съ Сингапура выпишу. По-видалъ я всего. А вотъ я вамъ покажу чудо... Повыше, въ виноградникъ... Я думаю, для Жоржика это будетъ поучительно. Онъ на примѣрѣ убѣдится, что можно сдѣлать почти изъ ничего, — здѣсь былъ пустырь три года назадъ, — если имѣть волю и характеръ. Вы посмотрите на эту прелесть!..

Я посмотрѣлъ на „прелесть“. Передо мной были обыкновенныя виноградныя лозы съ широкими вырѣзными листьями.

— Что это? — загадочно спрашивалъ капитанъ. — Виноградъ? Да. Но... ка-кой?!..

Смотрѣлъ на меня, прищурясь. Я молчалъ.

— Это знаменитый „кі-о-рі-у“ или что-то въ этомъ родѣ. Изъ садовъ самого японскаго микадо! Вы не знаете... А ягода! Чего мнѣ это стоило! Я заплатилъ по пять рублей за чубукъ. Только двадцать чубуковъ... Да что-то плохо идутъ. Но я поставлю-таки на своемъ!

Я равнодушно смотрѣлъ на „кіу-ріу“. Грузныя уже теперь кисти лежали на землѣ. Подъ нихъ были подложены листья.

— А чего стоило уберечь! Но я борюсь и докажу всѣмъ, что значитъ взягься за дѣло съ толкомъ. Никакъ не могу вбить садовнику въ голову, что этотъ сортъ нужно и нужно разводить. Это необыкновенный сортъ! Я ѣлъ въ Японіи... Нашъ передъ нимъ — дрянъ. Но что подѣлаете! Садовникъ только посмѣивается и пробуетъ меня разубѣдить. Представьте, въ прошломъ году я не могъ получить ни одной ягоды, все объѣли...

Я вопросительно посмотрѣлъ на капитана.

— Вы еще не знаете? Меня одолѣли черепахи! Да, да... Все начисто отдѣлали, даже побѣги... Дрянъ, маленькая черепашка, знаете, эта сухопутная... Да вонъ, пожалуйста!..

Онъ показалъ пальцемъ. Въ десяти шагахъ отъ насъ, между рядами лозъ пробиралась небольшая черепаха. Она дѣловито ползла, вытянувъ черную головку, какъ изчерно-желтый камень, не подозрѣвая, что рѣчь шла о ней. Капитанъ стремительно направился къ ней и поднялъ.

— Вотъ мои враги! Ихъ здѣсь цѣлая прорва, и никто на это не обращаетъ вниманіе: перешвыриваютъ изъ сада въ садъ. Пришлось взягься за дѣло самому. Теперь спросите, убавилось ли черепахъ? Это послѣдніе остатки.

И капитанъ подбросилъ черепаху и подхватилъ.

— Жаль, поздно началъ. Въ прошломъ году я уничтожилъ ихъ больше четырехсотъ. Сейчасъ у меня за весну сидятъ до трехсотъ.

— Какъ, сидятъ?

— Очень просто. Я собираю ихъ въ яму. Когда набирается, я ихъ свожу на-нѣтъ. Приказываю засыпать. Что дѣлать! Борьба — такъ борьба. И жрутъ-то вѣдь, главнымъ образомъ, японскій сортъ!

Капитанъ говорилъ совершенно серьезно и все подкидывалъ черепаху.

— Но какъ онѣ жрутъ! Пойдемте...

Капитанъ привелъ меня къ ямѣ, прикрытой старательно досками. Откинулъ доски и заглянулъ.

— Смотрите, какая сила...

Я нагнулся. Яма была невелика и расширялась книзу, чтобы черепахи не могли выбраться. Сперва я увидѣлъ черножелтую сплошную кучу. Она заполняла все дно ямы, возилась, шурша костяными щитками, царапалась лапками по стѣнкамъ. Я видѣлъ хвостики, лапки и головки. Я различалъ маленькіе черные глазки.

Капитанъ швырнулъ черепаху въ яму.

— А теперь смотрите...

Онѣ сорвалъ зеленый побѣгъ обыкновенной лозы и бросилъ въ яму. Мы нагнулись. Сперва въ ямѣ было все, какъ раньше. И вотъ, прутикъ началъ шевелиться, вытянулись шейки и головки, и я уже не видѣлъ прутика я видѣлъ только черный рядъ головокъ. Голодные челюсти схватили пищу, словно десятки рукъ хватаются за палку. Прошло минуты двѣ, и отъ прутика не осталось и слѣда.

— Видѣли? Такъ-то онѣ и объѣдали мои японскія лозы. И захлопнулъ яму.

— Иного средства нѣтъ. И вотъ увидите, что будетъ тутъ лѣтъ черезъ пять, когда по всему побережью за этимъ сортомъ будетъ признана побѣда!

И капитанъ съ увлеченіемъ принялся мечтать, какъ возрастетъ доходъ съ виноградниковъ, а передо мной стояла только что видѣнная картина.

Ложась спать, Жоржикъ сказалъ:

— Здѣсь, по-моему, очень хорошо. А вамъ какъ?

— Недурно. Завтра попробуемъ покупаться. Ты никогда еще не купался въ морѣ?

— Нѣтъ. Я и моря-то никогда не видалъ. Мы жили съ мамочкой на Волгѣ. Знаете, есть такой лечебный курортъ — Ставрополь? Мамочка тамъ и жила. Мы кумысъ пили тамъ... А знаете, я уже былъ на берегу и видѣлъ, какъ одинъ равный человѣкъ что-то шарилъ въ камняхъ. Какъ вы думаете, что это онъ дѣлалъ?

— Не знаю. Можетъ быть, рыбу ловилъ. А ты бы спросилъ...

— Я спрашивалъ издали, а онъ ничего не сказалъ. Онъ, должно быть, глухой. У него даже голова тряслась. Это почему? Отъ старости? Значить, онъ скоро умретъ?

— Вотъ завтра мы съ тобой на солнышкѣ полежимъ. Ты будешь крѣпкій отъ солнышка, черный... Это хорошо для здоровья.

— Да. Это я знаю. Сегодня понедѣльникъ, да?

— Да. А что?

— Значить, теперь они опять подъ землю ушли? Черные, которые уголь копаютъ?..

— Да, одна смѣна работаетъ, другая спитъ.

— Значить, они почти никогда не видятъ солнца. Въдъ когда спишь, не видишь...

Почему-то я вспомнилъ про черепахъ. Сейчасъ онѣ лежать въ ямѣ, голодныя, и не понимаютъ зачѣмъ ихъ сюда собрали. Скребуть лапками землю, вытягиваютъ шейки. Лежать во тьмѣ, не понимая, куда же дѣвалось солнце, которое онѣ такъ любятъ.

Жоржикъ, задавъ мнѣ два-три вопроса и не получивъ отвѣта, что-то бормоталъ самъ съ собой, невнятно. Наконецъ, затихъ. Не спалось что-то. Я тихо поднялся, чтобы не разбудить его, и подошелъ къ окну. Море, какъ-будто, спало, искрясь въ полосахъ теченій въ блѣдномъ отсвѣтѣ молодой луны. Далеко ползли огоньки: шель пароходъ. Огонь маяка мигалъ съ промежутками, точно усталый, засыпающій глазъ.

Легкіе шаги босыхъ ногъ зашлепали за моей спиной, и тонкая рука легла на мое плечо.

— Ты еще не спишь?!

— Нѣтъ. Мнѣ что-то скучно... — зашепталъ Жоржикъ,

вздыхнулъ и прижался щекой къ моему плечу. — Вонъ парохо-одъ. Скажите, отсюда далеко заграница?

— Далеко, братъ. А тебѣ зачѣмъ?

— Тамъ мамочка... Она поѣхала лѣчиться. Она у меня больная вѣдь... то-о-ненькая...

Смотрѣлъ на море, и я услыхалъ, какъ онъ тихо сказалъ, вздохнувъ:

— Ма-ма...

о моему настоянію, Жоржикъ долженъ былъ хорошенько отгуляться и загорѣть, а съ ученьемъ пока успѣется. Это было необходимо. Правда, онъ былъ бойкій, очень живой мальчикъ, но это не была та живость, которую можно видѣть у крѣпкихъ, пышущихъ здоровьемъ дѣтей. Его живость была болѣзненная, быстро смѣнявшаяся упадкомъ силъ. Бывало, онъ говоритъ, говоритъ, забрасываетъ вопросами; сорвется съ мѣста и начинаетъ прыгать и смѣяться, швыряетъ гальку... И вдругъ, затихнетъ. Смотришь, — сидитъ на бережку, охвативъ руками колѣни, и смотритъ въ морскую даль.

— Ты чего, Жоржикъ? усталъ?

— Да. Мнѣ, знаете, что-то скучно...

Часами лежали мы на берегу, подъ солнцемъ, распустивъ исполинскій солнечный зонтикъ капитана. Это были

прекрасные часы покоя. Легкій прибор тихо-тихо нашептывалъ намъ, и дали морскія звали къ себѣ, синѣющія дали. Дремали фелюки, съ уснувшими парусами на реяхъ. Курились берега струйками, какъ въ жаркіе дни — поля.

Смотрю на Жоржика. Его худенькое, блѣдное лицо, съ синими жилками, чуть тронута желтизной загара. Онъ лежитъ на горячей галькѣ, подперевъ голову ладошками, и задумчиво смотреть вдаль.

— Вы какъ думаете, тамъ что? Тамъ еще другія страны? Его манила даль, синѣющая ея безбрежность.

Гдѣ-то тамъ, за этимъ синѣющимъ просторомъ, лежали неизвѣданныя страны, — мечталъ такъ Жоржикъ. Сколько разъ рассказывалъ я ему, что теперь всѣ страны уже извѣстны, онъ моталъ головой и повторялъ:

— Ну, за-чѣмъ?.. Ну, пусть извѣстны... А мнѣ хочется... мнѣ хочется, чтобы были еще страны... Понимаете, другія, особенныя.?

— Какія же это — особенныя?

— Ну... я не знаю. Вотъ, вы опять смѣтаетесь... А, можетъ быть, есть?.. Вотъ, когда я зашурю глаза, такъ вотъ, только ма-аленькая щелочка... вотъ, мнѣ и кажется большая-большая страна... далеко-далеко!.. Голубая вся, какъ небо. Тамъ цвѣты... Онъ шурилъ глаза. — Большіе-большіе...

— И цвѣты голубые?

— Нѣтъ... Ну, да. Только у нихъ бутоны бѣлые такіе, изъ снѣга... Ти-ихо тамъ... Смотрите, крабъ!..

Онъ стремительно вскакивалъ и крался за крабикомъ, но хитрый крабикъ пугался его тѣни и убѣгалъ подъ камень.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, когда мы спускались съ холма къ морю, Жоржикъ таинственно зашепталъ, показывая пальцемъ:..

— Смотрите, это онъ! Онъ опять чего-то шарить...

Мы спустились къ морю. Шагахъ въ десяти отъ берега, по колѣно въ водѣ, стоялъ старикъ. Вѣрно подмѣтилъ Жоржикъ: его голова тряслась — отъ старости, должно быть. Время порядкомъ-таки согнуло его и сильно потрепало его костюмъ. На его головѣ какъ-то сиротливо сидѣла совсѣмъ прогорѣвшая соломенная шляпа съ порванными полями. Засученные штаны во многихъ мѣстахъ были заплатаны, а изъ

затертаго зимняго пиджака, безъ пуговиць, ключьями лѣзла вата. Да, это былъ вполнѣ „рваный челоѡкъ“, какъ выразился Жоржикъ.

Онъ стоялъ среди груды выступавшихъ изъ моря камней и что-то высматривалъ. Нѣтъ, онъ удиль. Держалъ коротенькую бечевку и ждалъ. Мы подошли поближе.

— Онъ ловить, ловить... Что онъ логить?

Раза два старикъ вытянулъ короткую бечевку, что-то на ней opravилъ и опять опустилъ въ камни. Скоро онъ выкинулъ на берегъ порядочнаго краба.

— Крабъ! крабъ!! — закричалъ Жоржикъ.

Старикъ оглянулъ насъ и поднялъ шляпу. Мы увидали сморщенное, дочерна загорѣвшее лицо и совсѣмъ побѣлѣвшіе усы. По виду это былъ грекъ.

Жоржикъ слѣдилъ за крабомъ, который старался пробраться къ морю и прятался за камни. Старикъ выбрался на берегъ, opravилъ штаны и поднялъ краба.

— Вамъ зачѣмъ крабъ?

— Карабъ? Продавала нужна... Кароши?

Онъ, посмѣиваясь, поднесъ къ носу Жоржика краба, яростно щелкавшего клешнями. Жоржикъ перепугался.

— Хе-хе... Большой маленьки боился... Савсѣмъ какъ тараканъ. Бери спинку...

Жоржикъ осторожно взялъ краба, но тотъ вырвался у него и бокомъ-бокомъ стремительно убѣжалъ въ воду.

— Ушель! Простите... я нечаянно... — растерянно забормоталъ Жоржикъ.

— Ни твой, ни мой... домой пошла, — засмѣялся старикъ.

Онъ надѣлъ кожаныя чувяки-туфли, досталъ табачницу и принялся вертѣть папирску. Жоржикъ трогалъ пальцемъ мѣшокъ, въ которомъ возились крабы.

— У васъ тутъ разорвано, — показалъ онъ на ключья ваты. — И тутъ...

Старикъ съ улыбкой посмотрѣлъ на меня, оглянулъ прорѣхи.

— Такой игла нѣтъ. Не беретъ. Новый нѣтъ...

— Да, пожалуй, вамъ нужно новый. А вы вотъ что... Вы скажите женѣ вашей, она заштопаетъ...

— Эге... Померъ, всѣ померъ. Какой корошій! — обер-

нулся ко мнѣ старикъ. — Какой бѣленькій, корошій...

— Почему померъ? — тихо спросилъ Жоржикъ.

— Пришелъ смерть, сказалъ: „Димитраки одинъ корошъ“. Богъ зналъ.

Вдумчиво смотрѣлъ на него Жоржикъ. Тихо плескало море.

Старикъ посмотрѣлъ на Жоржика и, должно быть, замѣтилъ его вдумчивый добрый взглядъ. Порылся въ карманъ и вынулъ горсть цвѣтныхъ камушковъ.

— На, на. Бѣленькій, корошій... Бери, у меня дома много.

— Мерси. А вы гдѣ живете? У васъ домъ есть?

— Домъ нѣтъ. У барсукъ нора, у черепахъ нора, у Димитраки нора. Хе...

— Какъ нора? Вы въ норѣ? — протянулъ удивленный Жоржикъ. — Вы, значитъ, подъ землей живете? Можетъ быть, вы добываете уголь?

— Цто? какой уголь? Земля-нора есть. Все есть. Дверь есть, печька есть...

— А-а... Я знаю. Это пещера называется. Святые въ пещерахъ жили...

Димитраки покачалъ головой.

— Какой маленькій, все знаетъ! Иголоцка тонкій... А?!

— А гдѣ ваша нора? къ вамъ можно? Можно къ нему, въ нору? — спросилъ меня Жоржикъ.

Я кивнулъ головой, а старикъ ласково потрепалъ Жоржика по плечу и сказалъ, показывая рукой на холмикъ, на краю городка, гдѣ заворачивало шоссе къ горамъ:

— Прикади. Во-онъ, большой орѣвка... тутъ. Крабъ дамъ большой, сукой, совсѣмъ красивой... Папашѣ показы.

— У меня папы нѣтъ, умеръ мой папа. У меня мамочка...

— А-а... Мамы показы... Фелюкъ есть, морской котъ есть, лисицъ есть...

— У васъ? И лисица есть?

— Сукой морской лисицъ... На хвостъ гвоздикъ... Эге! Въ морѣ есть, у Димитраки есть. Мори даетъ. Целовѣкъ ницего не даетъ... Мори не былъ — помиралъ. Богъ море даль.

— Къ вамъ въ гости не ходять?

— Кости ходить? Какой кости? Не ходить. Черепахъ

одинъ ходить, пѣсни поеть... — усмѣхнулся Димитраки, подмигивая мнѣ.

Жоржикъ понялъ шутку и тоже засмѣялся. Намъ пора было уходить. Жоржикъ поднялся неохотно.

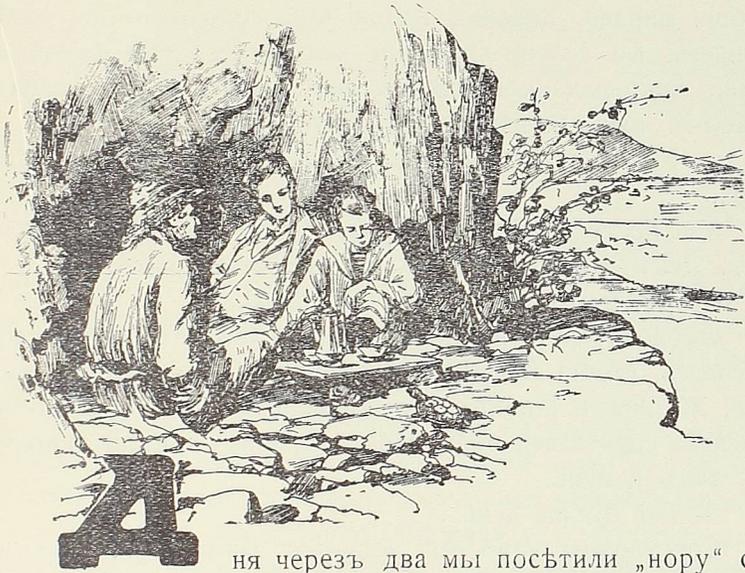
— А мы непременно зайдемъ къ вамъ въ гости, — сказалъ онъ, протягивая руку Димитраки. — До свиданья. Вы все-таки приходите сюда. Вѣдь мы каждый день на берегу. Вы приходите.

— Мозно? — улыбнулся грекъ. — Приду, приду... Какой веселій, и!..

Когда мы шли къ дому, Жоржикъ, по обыкновенію, засыпалъ меня вопросами. Почему Димитраки живетъ въ норѣ? зачѣмъ у него черепаха? почему у него сухія руки? Оборачивался и слѣдилъ, куда направлялся Димитраки.

— Какъ вы думаете, онъ не святой? а? Онъ тоже въ пещерѣ живетъ... а?..

Дня через два мы посѣтили „нору“ стараго Димитраки.

Разыскали ее безъ труда. Поднялись по шоссе на холмикъ и свернули къ старому орѣху. Какъ разъ противъ него въ срѣзѣ холма, въ заросляхъ держи-дерева и ежевики, виднѣлась плохо прилаженная досчатая дверка. Надъ нею, прямо изъ горы, торчала желѣзная труба — раздобытый гдѣ-то остатокъ желоба. Съ правой стороны дверцы, въ землѣ же, тускло выглядывало крохотное оконце. Правду говорилъ старикъ: у него были и дверь, и печка. и даже оконце. У него былъ даже и огородъ. На небольшомъ, очищенномъ отъ бурьяна и зарослей, клочкѣ каменистой почвы тянулись плети арбузовъ и кабачковъ, стояло два-три подсолнечника, и вились на низкихъ колыяхъ виноградныя лозы. Огороженные плетнемъ, въ сторонкѣ виднѣлись еще лозы. Это былъ малюсенькій виноградникъ. Все было убогое, маленькое, точно игрушечное, — и огородикъ, и этотъ жилой уголокъ въ горѣ. Но здѣсь было такъ много солнца, такъ благодушно почво-

кивали гдѣ-то неподалеку дрозды, звонко-весело гремѣли цикады, пышно разросся по склону холма дикій чеснокъ, и снѣжные каперсы такъ чудесно сіяли атласными, нѣжными цвѣтами, что забывалось убожество подземнаго жилища.

А какой видъ открывался! Крутымъ спускомъ сходила гора къ морю. Подъ нами набѣгало и таяло бѣлое кружево прибоя. Вправо, пониже, небольшой городокъ, съ бѣлыми домиками въ зелени акацій и каштановъ, зеленѣющія площадки виноградчиковъ, бѣлая лента шоссе и дача капитана на холмѣ, какъ маленькая крѣпость.

— Какъ хорошо у него! — сказалъ Жоржикъ. И какъ тихо...

Мы постучались въ дверку. Отвѣта не было. Должно быть, Димитраки ушелъ. Мы сѣли у стараго орѣха.

— Смотрите, смотрите... Черепаха!..

Около дверки въ нору копошилась черепаха, словно просилась, чтобы ее впустили. Она даже царапалась коготками. Жоржикъ подошелъ осторожно и тронулъ тросточкой. Черепаха спряталась подъ свою закрѣпку и стала неподвижной, какъ камень.

— Ге! Добри день...

Со стороны зарослей появился Димитраки. Онъ несъ охапку нарѣзанныхъ палокъ.

— А мы къ вамъ, здравствуйте! Какъ поживаете? — радостно привѣтствовалъ его Жоржикъ, протягивая руку. — Это вамъ зачѣмъ палки?

— Кушать буду... — засмѣялся старикъ и бросилъ палки. — Димитраки все нужно.

— А-а... Вы топите ими свою печку!

— Какой любопытнѣй! — сказалъ Димитраки, здороваясь со мной. — Скоро совсѣмъ старикъ будетъ.

Онъ отворилъ дверку, и царапавшаяся черепаха спокойно вползла, какъ въ свою нору.

— Кошка мой... Эге! Киш-киш...

Что говорить о Жоржикѣ! Я самъ съ живѣйшимъ интересомъ смотрѣлъ, что раздѣлывала черепаха. Это неуклюжее и тупое, какъ принято думать, существо проявляло большую сообразительность. На свистъ Димитраки она вытянула, какъ могла, шейку и подняла головку, точно спрашивала или просила о чемъ.

Димитраки взялъ съ полки кусокъ какого-то корешка и бросилъ черепахѣ. Она даже зашевелила хвостикомъ, должно быть отъ удовольствія, приняла корешокъ и поползла къ двери.

— Завсѣмъ ученый черепахъ. Сладкій корешокъ любить!

Жоржикъ уже не смотрѣлъ на черепаху. Его глаза перебѣгали съ предмета на предметъ. И стоило посмотреть! Въ этой норѣ былъ цѣлый интересный музей. Откуда только могъ раздобыть все это Димитраки!

На вдѣланной въ земляную стѣнку полкѣ стояло два небольшихъ, красиво выдѣланныхъ изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ камушковъ и ракушекъ грота, какіе обыкновенно, ставятъ въ акваріумахъ. На деревянныхъ колкахъ по стѣнамъ висѣли крупные кораллы... Нѣтъ, конечно, не кораллы. Висѣли темнокрасныя бусы изъ кизиловыхъ ягодъ. Штучки двѣ-три высушенныхъ морскихъ „котовъ“ и „лисицъ“, изъ породы скатовъ, съ когда-то ядовитыми пилообразными остриями надъ хвостиками, были ловко прикрѣплены къ стѣнкѣ, точно ползли. Стояли коробочки, оклеенныя мелкими ракушками. Съ земляного же потолка свѣшивались на бечевкахъ двѣ фелюки-модели, какія выдѣлываются рыбаками на побережѣ для забавы дѣтямъ. Изъ самодѣльныхъ коробокъ, съ вставленными кусками стекла, выглядывали розовыя спинки сушеныхъ крабовъ. Рядками стояли у стѣнъ очищенныя и выжженныя, съ причудливыми корневищами, палки. Высокія рогульки, для восхожденія на горы, — такъ называемыя альпенштоки — изъ кизила, бѣлыя и гладкія, какъ слоновою костью, выглядывали изъ угла. На сколоченномъ изъ досокъ столѣ стояли еще не совсѣмъ отдѣланные корпуса фелюкъ и баркасовъ. Пахло свѣжимъ деревомъ, пріятнымъ ароматомъ смолы и мяты. Въ углу, едва видный отъ копоти, висѣлъ образокъ и лампадка съ подвязаннымъ снизу пучкомъ засохшихъ цвѣтовъ.

— Это все ваше? все вы? — спрашивалъ Жоржикъ.

Такъ неожиданно Димитраки оказался владѣльцемъ такого заманчиваго богатства. Да, богатства. Онъ его вычерпалъ изъ окружающей его природы своими слабыми силами. Дряхлый, въ полусвѣтѣ своей норы, стоялъ онъ передъ нами,

молодыми, и благодушно смѣялись его тускнѣющіе, много видавшіе въ жизни глаза.

— Мы, — сказалъ онъ на вопросъ Жоржика, — свой рука. Дождь пришелъ, зима приводилъ, работаль... Господа покупаль лѣто, деньжи даваль, зиль. Вотъ...

Онъ вытянулъ руки. Черныя и сухія, потерявшія свою силу и упругость, онѣ еще кормили его.

— Хорошо ви приходилъ, ти приходилъ... Къ Димитраки никто не приходилъ... — говорилъ онъ, показывая намъ на толстые деревянные обрубки. — Садись... въ кости у меня.

Онъ держаль себя, какъ хозяинъ, хоть и въ норѣ. Въ немъ не было и тѣни угодливости. Онъ держался радушно и просто и не смущался, что не можетъ предложить намъ стула.

— Кофе турэцкій хочешь? А ты хочешь? Гощу кофе...

Ну, конечно. Развѣ могъ Жоржикъ отказать? Въ норѣ Димитраки все было такъ необыкновенно, и кофе былъ тоже особенный какой-то, „турецкій“.

А Димитраки уже развелъ мангалъ — сдѣланную изъ ведра жаровню, — досталь желѣзную чашечку съ длинной ручкой, всыпаль кофе, налилъ воды и сталъ кипятить на угольяхъ.

— Димитраки, я непременно приведу къ вамъ дядю Мишу. Онъ страшно любитъ пароходы, онъ по всѣмъ океанамъ ѣздилъ... И онъ все у васъ купить, всѣ пароходы... Скажите, почему у васъ такъ трясется голова?

— Голова? Стари сталъ, совсѣмъ стари... Молодой былъ, крѣпки камень. Прошло. Все плохо...

Онъ нагнулъся, чтобы помѣшать кофе, дрогнула его слабая рука, и чашечка опрокинулась. Растерянно смотрѣль онъ, какъ ароматный паръ клубился надъ шипѣвшимъ мангаломъ.

— Э... слаби рука... — сказалъ онъ грустно. — Нелушни...

Жоржикъ сидѣль неподвижно, всматриваясь въ уголья мангала. Но сейчасъ же его глаза перебѣжали на висѣвшую у окна рамку. Что-то бѣлѣло въ ней за грязнымъ стеклышкомъ.

— Это у васъ что? — спросилъ онъ Димитраки, который снова принялся кипятить кофе.

— Молодой глазъ, все видитъ... — сказалъ тотъ, по-смѣиваясь въ усы. — Бумагъ... Начальникъ давалъ печать...

— Печать... Это что же?

— Такъ давалъ. Бери, говорилъ, корошо будетъ... Висить, вотъ. Поспѣла теперъ...

Что за бумага? Я подошелъ взглянуть. За пыльнымъ стекломъ нельзя было прочесть ничего, кромѣ заглавнаго слова: „свидѣтельство“.

— За что же выдали вамъ эту бумагу? — спросилъ я.

— Люди тонулъ, пять люди тонулъ... Ловилъ.

Я посмотрѣлъ на Димитраки. Онъ сказалъ просто, даже скучно. Словно рассказывалъ о рыбной ловлѣ.

— Они тонули, а вы ихъ...? — началъ Жоржикъ.

— Эге. Я ихъ таскалъ. Кузма, сынъ, таскалъ... тонулъ... — сказалъ старикъ грустно и махнулъ рукой. — Пропалъ. Кушай, Зорзикъ... Такъ? Зорзикъ?

Я молчалъ. Молчалъ и Жоржикъ. И онъ понялъ, почуялъ сердцемъ, что спрашивать не нужно.

Должно быть, лицо стараго Димитраки, его безнадежный жестъ, его сгорбленная фигура сказали, что спрашивать не надо.

Мы сидѣли и прихлебывали горячій кофе. Потрескивали угольки въ мангалѣ.

— Она опять пришла! — крикнулъ Жоржикъ.

Да, черепаха опять явилась. Словно собачка, она стояла въ дверяхъ: ждала, не перепадетъ ли еще чего?

— Совсѣмъ умни. Зима пришелъ, совсѣмъ ко мнѣ идетъ туда... — показалъ Димитраки въ уголь. — Спитъ-храпитъ. Совсѣмъ целовѣкъ.

Я вспомнилъ черепахъ капитана.

— Святой черепахъ... — сказалъ Димитраки. — Не былъ черепахъ, ничего не былъ: все пропалъ!

— Что-о? — спросили мы вмѣстѣ оба. — Почему?

Димитраки прищурилъ глазъ, тряхнулъ головой.

— Вотъ какой! Нашъ греческій черепахъ, родной. Никто не могъ, одинъ черепахъ могъ.

Намъ пора было уходить: капитанъ поджидалъ къ обѣду. Но и меня, и Жоржика заинтересовали слова Димитраки.

— Вѣрно, — сказалъ старикъ. — У насъ, въ Греци,

одинъ стари старикъ говорилъ. Такой стари, такой... какъ снѣгъ. Такой книга есть, бульшой такой книга, какъ камень... Сто целовѣкъ не поднѣяль, тысяча не поднѣяль. Такой книга. Тамъ все написалъ Богъ. Все святой писалъ. Богъ сказалъ— святой писалъ: всѣ хорошъ, всѣ братъ. Тамъ писалъ: жалѣй! Тамъ писалъ — не вори, не бей, не обмануй!

Димитраки даже поднѣялся. Его сгорбленность, какъ будто, пропала, а въ его ровномъ голосѣ слышалась мнѣ торжественность. Онъ даже поднѣяль палець.

Жоржикъ сидѣлъ на обрубкѣ, поджавъ сложенные кулачки къ подбородку и устремивъ глаза на Димитраки.

— Тамъ писалъ: терпи! Корошо писалъ... Знай всѣ — корошо! Хе! Забуль книга, укралъ книга...

Димитраки вдумчиво посмотрѣлъ на насъ.

— Какая книга? — спросилъ Жоржикъ.

— На горѣ лежалъ... Агію.ъ гора, Эльясъ... Снѣгъ лежить. Книга лежалъ каменни, всѣ видалъ... Такой высоки... Пришелъ, укралъ...

— Какъ? кто укралъ? — съ живостью спросилъ Жоржикъ.

— Шайтанъ укралъ. Хотѣлъ зло дѣлалъ — укралъ.

— Шайтанъ? Это кто же?

— Черни, шайтанъ. Понесъ книгу, спряталъ въ землю. Тогда забуль правду, нѣтъ книга большой... Плохой целовѣкъ пошелъ.

Жоржикъ смотрѣлъ на меня, точно спрашивалъ — правда это? Да, онъ вѣрилъ, что это было дѣйствительно такъ, какъ рассказывалъ Димитраки. Это было видно по его разгорѣвшимся глазамъ.

— А куда онъ ее спряталъ? въ землю?

— Далеко. Никто не знаетъ. Копать, копать надо, долго копать. Искать, искать...

— Но гдѣ же надо искать?

— Куда занесъ — никто не видалъ. Одинъ черепакъ видалъ. Черепакъ!..

Жоржикъ такъ и впился въ Димитраки.

— Черепакъ? почему?

— Черепакъ все зналъ. Ходилъ по горамъ, по норамъ, все зналъ. Ходилъ шайтанъ, крутился за книгой. Всѣхъ гонялъ. Целовѣкъ гонялъ, волка гонялъ, орель гонялъ, голу-

бей, всѣхъ. Одни камни остались. Увидаль — нѣтъ никто, потащила. А тутъ... черепахъ лежалъ въ камнѣ, все видалъ. Такой совсѣмъ камени черепахъ. Шайтанъ не видалъ, потащила... А черепахъ увидаль, пошелъ.

— Черепаха видѣла! Ну? а вѣдь она тихо ходить, а шайтанъ-то, небось, скоро побѣжалъ...

— Эге! Шелъ шайтанъ, другой черепахъ видала, каменни... Еще черепахъ. Шайтанъ идетъ, думаетъ — камни все, камни... Такъ Богъ велѣлъ. Черепахъ найдетъ. На Хіосъ стари грекъ говорила, все знаетъ. Какой черепахъ! Всѣ помиралъ, черепахъ не помиралъ. Не видалъ мертви черепахъ. Всегда живой.

— Такъ вы были на Хіосъ?

— Знаешь? — радостно спросилъ Димитраки. — Хіосъ, Хіосъ!..

— Какой Хіосъ? — спросилъ Жоржикъ.

Я сказалъ про этотъ, когда-то цвѣтушій островъ. Я сказалъ, что когда-то тамъ было такъ хорошо жить, — это было давно-давно, — что жители называли свой островъ раемъ.

— Да, да... — покачивалъ головой Димитраки. — Пришелъ турки, билъ, рѣзалъ. Дѣдушка рѣзалъ... — ткнулъ онъ себя въ грудь. — Мой дѣдушекъ. Теперь ницего... На горѣ Эльясъ книга былъ. Укралъ шайтанъ, турки привелъ...

— Зачѣмъ же вы уѣхали съ Хіоса?

— Жена померъ. Синъ померъ... Гора задавилъ.

Я посмотрѣлъ на Димитраки. Въ его глазахъ печаль. Мы невольно вскрыли старую рану. Боже мой, сколько горя! Да, онъ можетъ говорить и вѣрить всѣмъ сердцемъ, что шайтанъ укралъ большую книгу. Тяжко сложилась его жизнь.

— Пятнасть лѣтъ прошло... Земля тряслась, дома падалъ, все падалъ, давилъ... — говорилъ Димитраки. — Синъ Алкивиадисъ давилъ, — показалъ грекъ на голову. — Жена Марфинъ плакалъ, все плакалъ, совсѣмъ самашедши сталъ, крутился, все крутился... Ночь, день плакалъ. Потомъ помиралъ. Ни лепты не былъ, совсѣмъ бѣдни стали. Сказалъ Кузма, синъ старши; „Пойдемъ, патѣра, на холодни вода, въ Россію“. — Пошли. Тогда много пошли на пароходъ. Зацѣмъ пароходъ, пошелъ на фелюкъ. Кузма рибакъ, море не бо-

ился. Пошли на парусъ. Шторма шумѣль, восемь шторма шумѣль, доплиль. Никола довель.

Димитраки показаль въ уголь, на почернѣвшій отъ времени образъ. Жоржикъ вздохнулъ.

— А потомъ?

— Рыбу ловиль, камень на фелюкъ возиль, муку возиль. Потомъ Кузма тонулъ.

Димитраки сидѣль передъ нами, поникшій. Молчали. Бурлил кофе въ желѣзномъ ковшичкѣ. Доносились съ воли звонкіе, задорные выкрики соекъ и трескотня цикадъ.

— Хорошо на Хіосъ... — грустно сказалъ Димитраки. — Тамъ море синій, голубой... Какъ глазъ голубой. Тепло. Лучше жить. Думала, здѣсь лучше, ни... Сонъ пришелъ, Хіосъ видалъ, плакаль... А-а... Здѣсь помираль, тамъ помираль, ни... Богъ вездѣ.

Надо было итти. Мы выбрали себѣ по палкѣ съ затѣйливыми корневищами и самую большую фелюку. Димитраки взялъ что-то очень недорого.

Вышли къ плантаціи.

— Виноградъ приходи кушать. Осень поспѣеть. Вонъ тамъ. Этотъ плѣхой, церепакъ любитъ, — показаль онъ на не огражденные лозы, очень напоминавшія низкорослыя лозы капитана. — Тамъ короши.

— Это лозы японскія? — спросиль я.

— Понски? Это волёвоко... — сказалъ Димитраки, оправляя лозу. — Тамъ шашла, короши. Волёвоко нехороши. Давно росла, меня не былъ росла...

Какой-то „волёвоко“. Широкіе разрѣзныя листься очень напоминали „кі-о-рі-у“ почтеннаго капитана.

— И вы къ намъ приходите... — сказалъ Жоржикъ, пожимая руку Димитраки. — У насъ тоже кофе есть, только съ сахаромъ, русскій... Вы не знаете? И потомъ сухари... Вы непременно приходите.

Когда мы выбрались на шоссе и оглянулись, Димитраки сидѣль на порожкѣ и смотрѣль на море. Было знойно. Шли молча. Только разъ Жоржикъ спросиль меня:

— Пожалуй, ему скучно одному въ норѣ? А мнѣ бы хотѣлось пожить у него. А вамъ?

Я думаль о Димитраки: и зачѣмъ занесла его судьба въ чужіе края!

Поражала меня его покорность, мягкость. Все потерялъ человекъ, самое дорогое — семью и родину. Остался одинъ, какъ перстъ, забился въ нору и все еще яснымъ взглядомъ глядитъ на мѣръ. И ясно сердце его, чисто.

Мы уже подходили къ дому. Жоржикъ вдругъ обернулся ко мнѣ и спросилъ:

— А, можетъ быть, этотъ, вотъ... я забылъ... какъ вотъ Димитраки-то говорилъ... онъ нарочно засунулъ книгу подъ самую землю, а? Нарочно... Глубоко-глубоко! гдѣ уголь роютъ, а? А они-то вдругъ и найдутъ! а? Вы что смѣтаетесь... Нѣтъ, правда... Можетъ быть, это такъ надо, чтобы рыли... У насъ нянька Матрена жила, она всегда говорила: „не копаешься — не найдешь...“

— Ну, и что же?

— Ну и... онъ нарочно... Думаетъ — пусть роютъ... Она-то будетъ черная, книга-то... какъ уголь... Они и не разберутъ въ темнотѣ, и разобьютъ... Это не можетъ быть?

Милый Жоржикъ!

— И они-то вдругъ и найдутъ! Никто ничего не знаетъ, думаютъ, что уголь роютъ... и вдругъ! Тогда что будетъ? Смотрите... дядя!

Капитанъ стоялъ у калитки, укоризненно покачивалъ головой и показывалъ золотые часы. Мы опоздали порядкомъ.

— Что мы узнали! — кричалъ Жоржикъ. — Смотри, какая фелюка!.. Это все Димитраки! У него черепеха... Кишкиш...

Капитанъ осмотрѣлъ фелюгу и одобрилъ.

— А тебѣ письмо отъ мамочки.

— Я такъ и зналъ! зналъ, зна-алъ! Я сегодня во снѣ мамочку видѣлъ, а какъ увижу, значитъ — будетъ письмо.

И онъ быстро побѣжалъ въ горку, къ дачѣ.

VI.

Прогулки къ норѣ Димитраки вошли въ нашъ обиходъ. Стоило намъ выйти къ морю, какъ Жоржикъ сейчасъ же тянулъ меня къ старому орѣху. Иногда мы не заставляли хозяина, — онъ по временамъ уходилъ въ городокъ съ това-

ромъ, — тогда занимались съ черепахой, которая быстро признала насъ и выходила изъ зарослей на кличку. Бродили по зарослямъ, отыскивая цикадъ по треску. Высматривали бойкихъ соекъ въ густыхъ вѣтвяхъ шелковицы. Но когда Димитраки былъ дома, начинался удивительный разговоръ. Островъ Хіосъ! Мы многое узнали о немъ. Старикъ описывалъ свою родину такъ любовно, знакомилъ насъ съ такими подробностями, что, казалось, мы уже побывали сами въ его деревушкѣ, посѣтили пещеры въ горахъ, ловили съ нимъ кораллы и губки, омаровъ и осьминоговъ. Онъ описалъ намъ свой домикъ подъ горой и старую шелковицу, на которой жили его кормильцы — черви. А сколько сказокъ и чудесныхъ исторій поразказалъ намъ Димитраки! Островъ Хіосъ! Онъ вставалъ передъ Жоржикомъ въ невѣдомомъ и чудесномъ великолѣпнн. Тамъ и звѣзды въ небѣ были какія-то другія, куда крупнѣе нашихъ. А горы голубыя. А море! Развѣ такое сердитое, какъ здѣсь? Теперь оно тихое, а что творится зимой! Не дай Богъ выѣхать безъ св. Николы, Изъ этой норы въ горѣ, въ одиночествѣ дней послѣднихъ. островъ Хіосъ самому Димитраки казался священнымъ, раемъ.

— А вы поѣзжайте туда... — совѣтовалъ Жоржикъ. — Вы поѣзжайте, вотъ...

— Тѣсно, безъ меня тѣсно. Тутъ покупаль, тамъ не покупаль... — показалъ онъ на свой товаръ. — Тамъ молодой нужда... Тутъ домъ, тамъ нѣтъ домъ. Ку-да! Э-э... Помираль скоро.

Теперь на Димитраки уже не было рваной кофты. Онъ выглядѣлъ куда наряднѣй въ просторной тужуркѣ капитана. И намъ иногда казалось, когда подымались мы къ старому орѣху, что самъ капитанъ переселился со своей дачи въ нору. Вонъ онъ стоитъ на порожекѣ въ свѣтлыхъ брюкахъ и сѣренькой „дѣловой“ тужуркѣ. Только пох-дѣлъ, согнулся.

Сѣрая тужурка! Помню, съ какимъ торжествомъ Жоржикъ самъ несъ ее, брюки капитана и штиблеты. Помню, какъ смотрѣлъ на насъ Димитраки. Онъ принялъ просто, даже, кажется, и не благодарилъ.

— Нови, совѣмъ нови... — сказалъ онъ. — Хорошо... Димитраки помнилъ.

Посмотрѣлъ на потолокъ. Тамъ уже ничего не было: фелюки были проданы.

— Скажи дѣдушка, помниль Димитраки.

Капитана, который и самъ какъ-то побываль у него въ норѣ, Димитраки называль — „дѣдушка“.

Да, капитанъ-таки побываль въ норѣ. Онъ очень любезно обошелся со старикомъ, купиль у него сразу весь запасъ палокъ (онъ ихъ потомъ раздаваль мальчишкамъ съ берега, и мы любили угадывать, не „капитанская“ ли это палка, когда попадался намъ босой мальчишка, но съ тросточкой) и ободряюще похлопаль Димитраки по плечу.

— Плавай я еще, боцманомъ бы тебя поставиль!

Увидавъ черепаху, онъ долго смѣялся, подмигиваль мнѣ и говорилъ:

— Такая же, чортъ возьми!

Но его веселье исчезло, когда онъ присмотрѣлся къ „волёвоко“.

— Удивительно! — сказалъ онъ, хмурясь. — Страшно напоминаетъ мою „кі-о-рі-у“! Нѣтъ, какъ похоже! „Волёвоко“? И слово-то такое!.. японское? Это у тебя откуда кусть?

— Плѣхой! — сказалъ Димитраки. — Давно росла. Не биль меня, росла.

— Удивительно... — покачалъ головой капитанъ. — Странно. Э-э... вотъ оно что... Усики не тѣ! Вы смотрите.. Тутъ усикъ гладкій, а у меня съ волосками! И ягода! У меня вдвое крупнѣй. Откровенно говоря, развѣ по листьямъ можно узнать? Дѣло въ ягодѣ.

Прошло съ мѣсяцъ, какъ мы жили на морѣ. Жоржикъ замѣтно окрѣпъ, и, съ разрѣшенія капитана, мы, по временамъ, посвящали часокъ урокамъ. Это было необходимо, увѣряль меня капитанъ, чтобы постепенно приучать Жоржика къ порядку.

— Занятія на него должны дѣйствовать благотворно. Постепенно, шагъ за шагомъ, онъ войдетъ въ колею. Привыкнетъ брать себя въ руки. Не правда ли?

— Не рано ли?

— Что вы! Меня начали муштровать съ пяти лѣтъ! А при его подвижности — чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

Я постарался придать занятіямъ фѣрму бесѣды о видѣнномъ, что Жоржику очень нравилось. Книга, обыкновенно

венно, отсутствовала. И далеко, бывало, уводили насъ эти бесѣды.

— Давай, Жоржикъ, узнаемъ, сколько у Димитраки палокъ. Въ углу, у двери, пятнадцать да у стѣнки, гдѣ полка, я насчиталъ восемь штукъ... Сколько же всего?

Слѣдовалъ отвѣтъ.

— Ну, а если бы Димитраки захотѣлъ самъ сосчитать, на бумагѣ? Что бы онъ сталъ дѣлать?

Жоржикъ охотно изображалъ, что сталъ бы дѣлать Димитраки.

— Ну, а теперь представимъ себѣ, что Димитраки узнаётъ, что на островѣ Хюсѣ отыскался какой-то его родственникъ и зоветъ его этотъ родственникъ къ себѣ жить. Узнаеть изъ письма. Какъ ты думаешь, какое бы письмо могъ написать ему этотъ родственникъ?

Вмѣстѣ съ Жоржикомъ мы начинали составлять письмо, и онъ съ большой охотой — какъ же онъ не любилъ писать! — старался красиво выводить буквы.

Долженъ сказать, что такія занятія пришлись по вкусу. Мы не уходили отъ жизни, словно и не прерывались наши прогулки, но день за днемъ новыя и новыя свѣдѣнія укладывались въ свѣтлой головкѣ Жоржика. А уроки по географіи! Тутъ уже не обходилось безъ путешествій по всѣмъ морямъ. Вытаскивалась карта, и мы съ такимъ удовольствіемъ разыскивали на ней и островъ Хюсѣ, и Каиръ, гдѣ жила мамочка, и наше побережье. Иногда за урокомъ Жоржикъ проявлялъ необычайную разсѣянность. Это случалось, обыкновенно, въ дни прихода почты. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ писемъ отъ мамочки. Тогда мы кончали урокъ и шли къ морю.

Помню одинъ грустный урокъ.

Мы только приготовились писать письмо Димитраки отъ дяди Миши. Будто, Жоржикъ заставилъ капитана взять Димитраки садовникомъ.

— Значитъ, начинаемъ: „Милый Димитраки“...

— Забылъ я, забылъ!.. Отъ мамочки письмо, вотъ...

И вытащилъ изъ кармана открытку.

— Только позвольте немного посмотрѣть, чу-уть-чуть...

Смотрите, тутъ чернила расплылись... Мамочка плакала?..

Онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ въ окно, на море.

— Ну, Жоржикъ, будемъ работать.

— Почему она плакала? — задумчиво спросилъ Жоржикъ. — Ей скучно?.. Да, да... я знаю. Съ ней только тетя Варя...

— Напротивъ, — сказалъ я. — Мамочка чувствуетъ себя хорошо и скоро вернется. Она уже писала объ этомъ дядѣ Мишѣ.

Жоржикъ покачалъ головой и продолжалъ смотрѣть въ море.

Какими-то невидимыми путями сердце Жоржика чуюло то, что было на самомъ дѣлѣ. Достаточно было капитану получить неутѣшительныя извѣстія, — онъ никогда не читалъ ихъ Жоржику, чтобы содержаніе ихъ сейчасъ же передалось маленькому сердцу. Такъ и на этотъ разъ. Я зналъ, что капитанъ получилъ тревожное письмо. Писала тетя Варя, что здоровье больной ухудшается съ каждымъ днемъ.

Жоржикъ смотрѣлъ на открытку, разглядывая пятнышко.

— Ну, продолжаемъ: „Милый Димитраки“!..

— Я не... не... могу...

Онъ поднималъ на меня глаза. Въ нихъ стояли слезы.

— О чемъ ты?..

Его тонкое личико передернулось, скривились губы. Онъ уронилъ голову на руки и затрясся.

— Жоржикъ... Ну, милый мальчикъ...

— Ма... ма... мочка...

— Ну, что — мамочка! Она гуляетъ на солнышкѣ... Скоро пріѣдетъ къ намъ, — сказалъ я бодро. — Мы ей покажемъ Димитраки, его нору... Ты только представь, какъ же ей будетъ интересно!

Онъ не поднималъ головы, затихъ.

— Эхъ, — говорю, — не написать ли намъ ей?

— О чемъ?..

— А вотъ, какъ поѣдетъ назадъ, попросимъ, чтобы на Хіосъ заѣхала! А?..

Жоржикъ поднялъ голову.

— А развѣ она мимо поѣдетъ?

— Непремѣнно мимо! Попросимъ, можетъ быть, она привезетъ что оттуда...

— Горсть земли! — сказалъ онъ оживленно. — Помните, вы читали мнѣ, что привозять съ родины горсть земли?

— Вотъ и прекрасно. Она, конечно, привезеть.

— Что будетъ съ Димитраки! Онъ будетъ радъ? Какъ вы на это смотрите? Я сейчасъ напишу... Мы сдѣлаемъ ему сюрпризъ! Я замѣтилъ, а вы замѣтили?.. Когда онъ вчера говорилъ про Хюсъ, у него въ горлѣ что-то заскрипѣло? Вотъ такъ: э-э-э... А?

— Да, кажется.

— Вѣрно, вѣрно!.. Только мы ему ничего не будемъ говорить...

— Вотъ, вотъ. А теперь будемъ продолжать: „Милый Димитраки! Я...“

— Голубчикъ! — сказалъ Жоржикъ просительно. — Это потомъ. Давайте, сочинимъ письмо мамочкѣ! Я очень буду стараться. Я не сдѣлаю ни одной ошибки!..

— Ну, хорошо. Пиши: „Милая мамочка!..“

— Вы не такъ. Надо: „Милая ты моя, хорошая моя, сладкая мамочка!“... Вѣрно, вѣрно! Вы посмотрите, какъ тутъ...

Онъ взялъ открытку и сталъ показывать пальцемъ:

— Смотрите, какъ она пишетъ: „Милый ты мой, хороший мой, сладкій Жоржикъ!“ Сладкій! И я такъ хочу... Она меня всегда кусала... слегка. Вотъ здѣсь... — показалъ онъ подъ шейкой.

VII.

Черепяхъ въ ямѣ прибывало по двѣ да по три въ день, и капитанъ былъ въ восторгѣ. Его рѣдкостныя японскія лозы на этотъ разъ всѣмъ должны показать, какъ надо браться за дѣло! Виноградъ на нихъ былъ, дѣйствительно, необыкновенный. Въ то время, какъ на обычныхъ сортахъ—шасла, изабелла, мускатъ, — ягоды были не крупнѣ горошины, „ки-о-ри-у“ бухли и бухли и уже достигли величины крупной вишни.

— Что будетъ!.. Всѣ поразятся! Увидите.

Мы съ капитаномъ сидѣли на терасѣ и поджидали объѣдъ.

— Дядя Миша!.. дядя Миша!..

Вбѣжалъ возбужденный Жоржикъ.

— Дядя Миша! У насъ цѣлое гнѣздо черепахъ! тьма!

— Гдѣ? — спросилъ оживленно капитанъ.

— Тамъ, въ виноградникѣ! Онѣ ужасно разводятся! Всѣ собрались въ яму и... разводятся!..

Капитанъ взглянулъ на меня. Пожалъ плечами.

— Ну, и... прекрасно. И пусть разводятся. Тебѣ ихъ кто показалъ?

— Никто не показалъ, я самъ нашелъ. Смотрю, Антонъ подымаетъ доски, а я и увидалъ. А Антонъ и говорить: — „Вотъ такъ гнѣздышко!“ Я его спрашивать сталъ, а онъ смѣется.

— Нѣтъ никакого „гнѣздышка“, а черепахи собраны... нарочно.

— На-ро-чно?!..

— Ну, да. Онѣ портятъ лозы! Теперь понялъ?

Я видѣлъ, что капитану непріятно объ этомъ говорить. Жоржикъ смотрѣлъ на него какъ-то особенно внимательно.

— Ступай, вымой руки. Сейчасъ обѣдъ. Ступай же! — приказалъ строго капитанъ.

Жоржикъ совсѣмъ опѣшилъ: никогда дядя Миша не говорилъ съ нимъ такъ. Онъ даже не нашелся сказать что-нибудь и послушно отправился мыть руки.

Обѣдъ прошелъ безъ обычной болтовни Жоржика. Онъ какъ-то ушелъ въ себя. Ни разу онъ не спросилъ капитана о черепахахъ.

Послѣ обѣда, оставшись наединѣ, Жоржикъ спросилъ меня:

— Вы видѣли ихъ?

— Видѣлъ.

— Ви-дѣ-ли? Какъ вы на это смотрите? Зачѣмъ онѣ... ему?..

По моимъ глазамъ онъ старался понять загадку. Я это чувствовалъ.

— Не знаете? — спрашивалъ онъ пытливо. — А я знаю... Я молчалъ.

— Я теперь все знаю. Когда я мылъ руки, я все слышалъ, что говорилъ вамъ дядя Миша.

Онъ слышалъ. Дѣйствительно, капитанъ упомянулъ, что

надо скорѣй „покончить съ черепахами“, такъ какъ теперь „не будетъ покоя отъ мальчишки“.

— Что съ ними сдѣлають? Вы знаете... Что такое — „покончить“?..

Что я долженъ былъ говорить? И я сказалъ ему все. Онъ слушалъ вдумчиво и покойно, что меня очень удивило. Выслушавъ, онъ сказалъ:

— Если бы зналъ это Димитраки! Пойдемте въ садъ.

Въ саду мы присидѣли до вечера. Жоржикъ не подходилъ къ ямѣ съ черепахами, хотя мы были недалеко отъ нея. Онъ часто поглядывалъ туда: очевидно, слѣдилъ за садовникомъ Антономъ.

Вечеромъ онъ сказалъ мнѣ таинственно:

— Я узналъ все. Дядя Миша велѣлъ ихъ засыпать, мнѣ Антонъ сказалъ. Завтра утромъ.

— Знаешь, что... Мы сейчасъ пойдёмъ и попросимъ дядю...

— Нѣтъ, нѣтъ! — испуганно замахалъ Жоржикъ. — Ни за что! Онъ теперь нарочно сдѣлаетъ. Я знаю. Когда я очень начинаю просить, онъ всегда начинаетъ махать рукой и кричить: „а вотъ не будетъ по-твоему!“ Нѣтъ, ни за что!..

За ужиномъ капитанъ пробовалъ шутить съ Жоржикомъ.

— Ты что дуешься, какъ мышь на крупу?

— Такъ... — позѣвалъ Жоржикъ. — Спать мнѣ хочется.

VIII.

проснулся рано. Начинало свѣтатъ, но въ комнатѣ, за спущенными шторами, было еще темно. Едва выдѣлялась на бѣлой простынкѣ маленькая фигурка Жоржика. Вставать не хотѣлось. На шторы легли золотыя полосы — всходило солнце.

Сколько разъ, бывало, давалъ я себѣ слово встать непременно съ солнцемъ, полюбоваться моремъ — и всегда просыпалъ. Надо хоть разъ подняться. Я осторожно прошелъ къ окну и чуть отодвинулъ штору. Открылъ окно. На меня пахнуло крѣпкой соленой свѣжестью морского утра. Море было чудесное. Тихое, съ бѣло-розовыми полосами течений на зеленоватой глади. Курилась даль фиолетовыми тѣнями только что ушедшей ночи. Пара фелюгъ медленно подвигалась вдоль берега по неслышному вѣтерку. Бѣлые паруса, подъ косыми лучами солнца, блистали розовымъ золотомъ. Черной точкой видѣлся пароходъ вдали. Онъ-то и разбудилъ меня своимъ ревомъ, когда выходилъ изъ порта.

Подъ окномъ сонно прошелъ Антонъ.

— Раненько поднялись, баринъ!

Я вспомнилъ про черепахъ.

— Антонъ, вы сегодня покончите съ черепахами, я слышалъ?..

— Да ужъ надоѣли! — махнулъ онъ къ саду. — Дались имъ эти самыя черепахи. Тутъ дѣло горитъ, а ты черепахъ лови!

— Вы погодите ихъ... того, а!..

— Да велѣно прикончить. И имъ-то, должно, ужъ надоѣло. Каждую ягоду храни! Тутъ отъ одного дрозда не удержишь... тутъ щипнетъ, тамъ колупнетъ... Конечно, и черепашка спуску не даетъ, должна себѣ пропитаніе искать, понятно...

— Вы погодите. Я поговорю съ капитаномъ. Мы ихъ устранимъ другимъ способомъ. Жоржику очень жалко.

— Да, беспокоится шибко. Съ непривычки, понятно, жалостно. Хоть и гадъ, а живое.

Еще вечеромъ, ложась спать, я рѣшилъ переговорить утромъ съ капитаномъ. Я даже составилъ планъ освобожденія черепахъ. Жоржикъ будетъ доволенъ. Мы выгребемъ черепахъ изъ ямы и будемъ носить корзинками изъ сада, въ заросли. Это будетъ сюрпризъ для Жоржика.

Милый мальчикъ! Онъ спалъ, закутавшись туго въ одѣяло. Спалъ крѣпкимъ утреннимъ сномъ, ничего не подозревая. Можешь спать спокойно. Черепахи! маленькія, каменные черепахи! Вы увидите солнце. Вы увидите привольныя заросли, и ваши лапки не будутъ царапаться по стѣнкамъ. Солнце... Какъ хорошо оно! Бодростью вѣяло на меня отъ синяго простора. Вонъ оно, солнце. Выше и выше подымается. Да благословенъ Тотъ, Кто д лъ его, Кто далъ намъ глаза, чтобы видѣть чудесную жизнь подъ солнцемъ! И это море... Да благословенъ Тотъ, Кто далъ жизнь! Черепахи, маленькія каменные черепахи! И вамъ дана жизнь, и мошкамъ, и былинкѣ. Чуткій Жоржикъ!..

Никогда не забуду это бодрое, солнечное, морское утро.

Въ саду капитана, опрысканныя росой, весело цвѣли мальвы. Розовые олеандры въ кадочкахъ подъ окномъ посылали мнѣ тонкій аромат свѣжей миндальной горечи. Иг- рали фіолетовымъ блескомъ кисти глициній на терасѣ. Какой теперь сонъ! Хорошо выкупаться въ лазурномъ морѣ.

Я оправилъ штору, чтобы солнце не разбудило Жор-

жика. Быстро одѣлся, взялъ простыню и вышелъ. Антонъ сидѣлъ на лавочкѣ и курилъ.

Сѣлъ и я.

— Сегодня раннихъ персиковъ предоставлю, — сказалъ онъ. — Потомъ пойдетъ слива. Арбузы еще не скоро. Сперва дыня... Нонѣшній годъ — изъ годовъ годъ.

— А виноградъ какъ?

— Ничего, хорошей. Дождикъ хорошей перепадетъ — и совсѣмъ будетъ хорошо. Въ сокъ пойдетъ, въ наливъ...

— Японскаго бы попробовать...

Антонъ покрутилъ весело головой.

— Горе одно, ей-Богу! Только черепахѣ кушать.

— Какъ такъ?!

— Да такъ. Не знаемъ, что ли! Только отъ него и толку, что китайскій, для красоты глазъ. Ну, видимость имѣть, какъ яйцо. У насъ это добро изъ садовъ выгоняютъ, а не то что... разводить. Черепаха его жретъ, понятно... животная!

Я слушалъ, не понимая.

— Воловье-Око, — зовутъ по-нашему, а не „ки-ри-ки“. Воловье-Око... За огромность такъ. А только въ немъ вкусу нѣтъ. И духа нѣтъ, А баринъ, какъ его привезли, и говорятъ: „Вотъ вамъ китайскій! У самага ихняго царя въ саду росъ“. А имъ, понятно, уваженіе сдѣлали, какъ они были капитанъ... подарили...

— Да вы бы сказали ему...

— Да ужъ говорилъ. А они все одно: „Ни чорта вы не понимаете. Я, говоритъ, его по семи морямъ везъ“. Съ нимъ не поговоришь. Ужъ я ему приносилъ лозу здѣшнюю... Говоритъ, усики не такіе. А ягоды, какъ на грѣхъ, въ прошломъ годѣ морозомъ сбило, да черепашки сгрызли...

Теперь я окончательно убѣдился, что капитана надули. „Волёвоко“, какъ говорилъ Димитраки, было не японское слово, а чистѣйшее русское: „воловье око“. Теперь я зналъ, что дѣлать. Что дѣлать, милѣйшій капитанъ! Ваши надежды будутъ сегодня же разбиты. Проститесь съ вашими „ки-ки-ри-ки“! Не желаете ли „волёвоко“? Можете призывать тысячу чертей на голову японцевъ, но черепахи тутъ непричемъ.

Скорѣй купаться! Нѣтъ, надо разбудить Жоржика и рассказать ему кое-что.

Я вошелъ въ комнату.

— Жоржикъ!..

Онъ спалъ крѣпко и не отозвался. Я осторожно взялъ его за плечо, и мои пальцы сжали... пустое одѣяло! Жоржика не было: на постели лежала ловко устроенная изъ одѣяла кукла.

Я расхохотался. Однако!..

— Жоржикъ!

Я посмотрѣлъ подъ кровать, заглянулъ даже въ шкафъ. Онъ, конечно, выкинулъ одну изъ любимыхъ шутокъ. Иногда онъ удачно проводилъ насъ съ капитаномъ. Помню, на берегу разъ, когда мы заговорились, онъ бултыхнулъ въ воду камень, а самъ спрятался за скалой.

Но куда же онъ спрятался? Не было ни матроскаго костюмчика. ни сандалий. Шляпа была. И вдругъ бросился мнѣ въ глаза клочекъ бумаги: онъ былъ приколотъ булавкой къ одѣялу.

Что такое?..

„Не будить никакo я отравился... всадъ за чирипахами я Долженъ съ пасти чирипахъ! ато антонъ ихъ закапать не будити никакo идеайте видъ Ато я навасъ разсиржусь. Жоржикъ!“

Милыя каракули... О, какія каракули! Онъ писалъ въ темнотѣ, слова набѣгали на слова. Не говорю уже объ ошибкахъ... Я держалъ записку и, знаете, что я чувствовалъ? Самое горячее, что когда-либо билось въ сердцѣ. И знаете, что сказала тогда, смотря на эти каракули?..

Я сказалъ:

— Вотъ это — мо-лод-чи-на!

Я хорошо помню это утро — утро освобожденія черепахъ. Помню и посмѣивающіеся глаза Антона, и море, и солнце, и мальвы, и трескъ соекъ, и назойливую возню дроздовъ въ виноградникъ... И эту записку, приколотую къ одѣялу, милую записку съ каракулями карандашомъ, которую я берегъ, берегъ...

„Дѣлайте видъ!“ Очевидно, пропущена цѣлая фраза. Дѣлайте видъ, что ничего не замѣтили? Очевидно. Онъ — теперь это было ясно, — еще вчера замыслилъ. Да, да. Ложась спать, онъ что-то возился подъ подушкой. Конечно, пряталъ бумажку съ карандашомъ. И мнѣ даже не довѣрилъ

тайны. То-то онъ вчера весь вечеръ бродилъ какой-то, все посматривалъ на часы и звалъ спать.

Онъ теперь тамъ, конечно.

Мое положеніе было не совсѣмъ-то важно: въ какомъ свѣтѣ явлюсь я передъ капитаномъ? Онъ и меня обвинить въ заговорѣ. Но „японскія“ лозы! Я вспомнилъ про „ки-ри-ки“, какъ говорилъ Антонъ. Теперь все дѣло принимало интереснѣйшій оборотъ.

Я поспѣшилъ въ виноградникъ. Какое утро! Оно было прекрасно, какъ никогда. Кто можетъ спать теперь, когда солнце смѣется всему, и все смѣется солнцу! А капитанъ-то похрапываетъ за своими ставнями, въ холодкѣ. Какіе сны онъ видитъ? Вонъ Антонъ возится въ саду, подвязываетъ розы. Дрозды почвокиваютъ въ виноградникѣ. А вонъ и горка, гдѣ буйно зрѣетъ заморское „волёвоко“. Зрѣй во славу милаго капитана и черепахъ!

Что это? Навстрѣчу попадаютъ черепахи... Одна, другая, еще... Понимаю. Это вы, узицы, — теперь подъ солнцемъ? Пойте хвалу ему и еще кому-то, если умѣете.

Я осторожно пробирался въ лозахъ. Вездѣ копошились черепахи. Онѣ сошлись, какъ-будто, на совѣщаніе, эти черно-желтые камушки, и наверстываютъ потерянное. Я видѣлъ, какъ онѣ облѣпили лозы, висѣвшія низко кисти „японскаго“ винограда. Я слышалъ, какъ онѣ чавкали еще твердыя ягодки „ки-ри-ки“ и все другое, что попадалось имъ. Голодныя! Шевелились и вздрагивали молодые побѣги, похрустывали. Если бы видѣлъ капитанъ! Онъ упалъ бы, пожалуй, въ обморокъ. Къ счастью, теперь онъ спитъ.

Еще я видѣлъ... Я видѣлъ, какъ ловко летаютъ черепахи! Да, летаютъ. Онѣ вылетали изъ ямы и шлепались на сухіе комья взрытаго виноградника. Онѣ вылетали парами, одна повыше, другая пониже, а за ними еще, еще, еще... Маленькія и большія. И шлепались, какъ камни.

Тук... тук... тук...

Внизу гдѣ-то ловко работала невидная машина. Я подошла ближе, приглядѣлся. Изъ ямы торчала доска. Я ждалъ. Черепахи продолжали вылетать парами, съ точнымъ постоянствомъ. Наконецъ, это постоянство нарушилось: взлетѣла одна. Перерывъ... Потомъ еще одна. Тихо. И вотъ, показала изъ ямы свѣтловолосяя голова, раскраснѣвшееся лицо,

Жоржикъ. Но въ какомъ видѣ! Онъ царапался по доскѣ, сдирая себѣ колѣнки. Вылѣзъ и глубоко вдохнулъ. Посмотрѣлъ къ дому, на солнце, вытеръ о штаны руки, перевернулъ ногой черепаху, заглянулъ въ яму. Потомъ опустился на корточки и сталъ перевертывать лежавшихъ еще на спинкѣ.

Черепahi медленно уползали, слабыя, потрясенныя яркимъ солнцемъ.

— Жоржикъ!

Онъ вздрогнулъ, узналъ меня, и лицо его стало виноватымъ. Онъ даже съежился.

— Ахъ... это вы... Онѣ сейчасъ уползуть... смотрите... — растерянно бормоталъ онъ.

Я подошелъ къ нему, взялъ за тонкія плечики и заглянулъ въ глаза. Они были ясные, ясные... милые, тихіе глаза.

— Тамъ еще есть... девять штукъ... Но онѣ уже неживыя. У меня дрожатъ ноги... Я такъ усталъ...

Онъ сѣлъ на землю и тяжело дышалъ, какъ послѣ усиленнаго бѣга. Слабенькимъ, сиротливымъ показался онъ мнѣ тогда. Усталость быстро сгоняла краску съ его лица. Только большіе глаза поспрѣжнему свѣтились. Потъ катилъ съ него градомъ, волосы взмокли, грязныя полоски на щечкахъ...

— Смотрите, онѣ ѣдятъ виноградъ... — сказалъ онъ. — Я дурно сдѣлалъ, да? Онѣ теперь сѣдятъ все...

Онъ сказалъ это безразличнымъ, усталымъ тономъ.

— Что теперь дядя Миша..? Давайте скорѣй отгаскивать! скорѣй! — крикнулъ онъ, вскочилъ и сталъ топать на черепахъ.

Черепашки спрятали головки и стали неподвижны.

— Что я надѣлалъ!.. — прошепталъ Жоржикъ, смотря на меня растерянно. — Дядя Миша... теперь...

— Ничего, — успокаивалъ я его. — Виноградъ все равно никуда не годенъ.

— Какъ... не годенъ?..

Но я не успѣлъ отвѣтить, какъ голосъ Антона крикнулъ:

— Черепахъ-то, черепахъ!.. Полки, прямо!..

— Я ихъ выпустилъ! — крикнулъ Жоржикъ. — Можешь говорить дядѣ. Я выпустилъ! Можешь говорить... Я, я, я выпустилъ!..

— А мнѣ что! И давно пора. Жрутъ-то какъ, матушки! Вотъ те и „ки-ки-ри“! вотъ те и китайскій! Теперь намъ всѣмъ нагорить. Ужъ это, какъ пить...

Онъ и меня включилъ за компанію.

— Я ихъ выпустилъ... одинъ я! — съ гордостью сказалъ Жоржикъ и засунулъ въ карманы руки. — Все равно!

— А, чортъ!.. Анто-онъ!..

Это былъ голосъ капитана. Не было его видно: онъ шелъ подъ горкой, осматривалъ свои лозы, какъ всегда.

— Идетъ! Ну, теперь... будетъ!..

Антонъ только махнулъ рукой и пошелъ навстрѣчу.

— Откуда?! Больше десятка насчиталъ! Собирай! Вонъ... вонъ еще! Что? Ничего не пойму... Бери эту!

Капитанъ командоваль, какъ въ штормъ на морѣ.

— Что теперь будеть..? — растерялся Жоржикъ. — Я убѣгу... Нѣтъ, все равно... пусть.

— Ничего не будеть, — сказалъ я. — Увидишь.

— Какъ, выпустилъ?! — кричалъ капитанъ. — Что ты городишь! Жоржикъ?!

Капитанъ направлялся къ намъ огромными шагами...

— Ты... выпустилъ?! Ты?!..

— Я.

Онъ стоялъ передъ капитаномъ, руки въ карманы, твердо. Оба молча смотрѣли другъ на друга. Я могъ замѣтить, какъ у Жоржика подрагивала губка.

— Ты?... — повторилъ капитанъ, пристально вглядываясь. — Это онъ? — уже меня спросилъ капитанъ, показывая пальцемъ на черепахъ, которыя отползали.

— Онъ, — подтвердилъ я и улыбнулся.

— Тутъ нѣтъ ничего смѣшного! — сказалъ онъ рѣзко, передергивая плечомъ.

— Дядя Миша... дядя Миша... — сказала Жоржикъ сдавленнымъ голоскомъ. — Скорѣй, скорѣй...

Онъ сѣлъ на землю и закрылъ руками лицо.

— Что? — крикнулъ капитанъ. — Что?.. что — скорѣй? Жоржикъ плакалъ. Онъ хотѣлъ, должно быть, сказать, чтобы скорѣе все кончилось?

— Что натворилъ! Онѣ сожрали мои лозы! Антонъ!.. Чего же ты смотришь, оттаскивай! Да живѣй, ты!..

Онъ отбрасывалъ черепахъ ногами, спасая остатки „ки-у-ри-у“.

— Все! все!! Мальчишка! Послушайте, помогайте же!.. — кричалъ капитанъ, бросая на меня безпомощные взгляды.

— Негодный мальчишка! Натворилъ, и еще реветъ?

Мы работали, какъ машины. Въ ту минуту я уже позабылъ, съ какимъ виноградомъ имѣю дѣло. И Жоржикъ помогаль, вырывая черепахъ у капитана. Надо было видѣть его лицо съ жирными полосами грязи! А капитанъ швырялъ черепахъ, какъ камни, и приговариваль:

— А-а... Всѣ труды... Мальчишка самовольный! Всѣ двадцать лозъ! Эта еще, слава Богу... А?! Мальчишка!..

— Капитанъ! — рѣшилъ, наконецъ, я. — Это японскія лозы? Ки-ки-ри-ки?

— „Кі-о-рі-у“! — плаксиво поправиль онъ. — Но въ какомъ видѣ! Только верхнія кисточки...

— Это совсѣмъ не японскія... — продолжалъ я. — Это никуда не годныя.

— Тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго!...

— Увѣряю васъ. Васъ ввели въ заблужденіе. Такихъ лозъ сколько угодно. Даже у Димитраки есть... Васъ обманули, капитанъ.

Надо было видѣть его багровѣвшее лицо и выпученные глаза.

— Меня обманулъ мальчишка!

— Спросите кого угодно! Это такъ называемое „воловье-око“.

— Что-о? Воловье око? Какъ, воловье око?!

Онъ даже выпустилъ черепаху, и она шлепнулась, какъ камень, на лысую голову Антона.

— Они, баринъ, вѣрно сказали... — подтвердилъ Антонъ. — Желательно, и винодѣль можетъ завѣрить. Вы меня ругайте, а я показывалъ и листь, и ягоду въ казенной дачѣ. Ужъ тамъ все знаютъ, никудышный сортъ-съ...

— Что ты мнѣ сказки рассказываешь! А тебѣ кто приказалъ показывать? Это мой секретъ! Я на выставку готовилъ, къ осени! Самъ лично изъ Японіи... изъ садовъ китайскаго... японскаго микадо! — кричалъ капитанъ.

— Но такой же сортъ и у Димитраки есть... Вы же видѣли! — сказалъ я.

— Усики-съ! Усики безъ волосковъ! А здѣсь — смотрите... съ волосками... Вотъ тутъ, тутъ... усики-съ!

Капитанъ перебиралъ усики. Увы! на этой лозѣ усики были гладкіе. И на другой, и на третьей. Капитанъ видѣлъ когда-то волосы, можетъ быть потому, что хотѣлъ ихъ видѣть.

— Да ужъ вѣрно-съ... „Воловье-око“-съ... — сказалъ Антонъ.

Жоржикъ не понималъ. Онъ посматривалъ на всѣхъ насъ. Какіе усики? Причемъ здѣсь Димитраки?

— Я по рублю за чубукъ платилъ! (Капитанъ начиналъ сдавать: мѣсяць назадъ онъ говорилъ о пяти рубляхъ за чубукъ). Ахъ, мошенники! Быть не можетъ! Мнѣ вѣрный челоуѣкъ продавалъ! Ахъ, мошенникъ!..

— Мошенниковъ много-съ... Японцы-съ... Даже и народъ-то неизвѣстный... — говорилъ Антонъ.

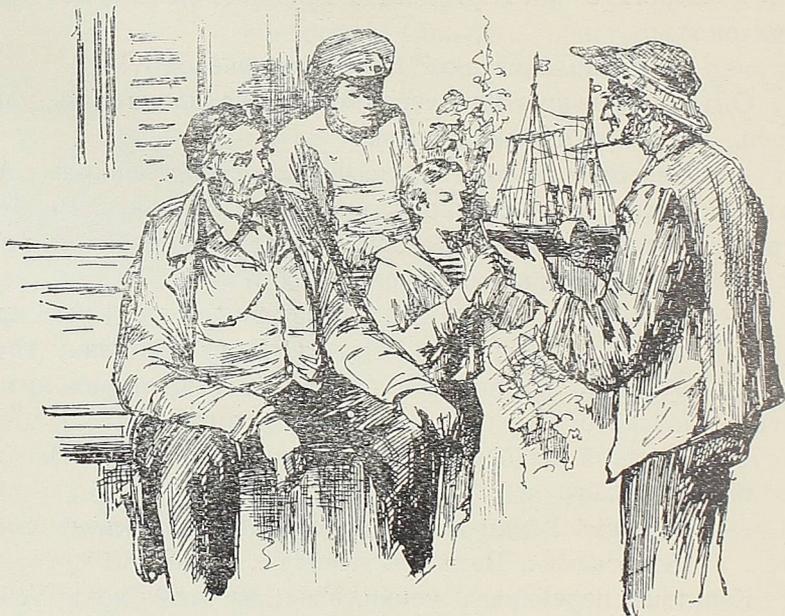
— Много ты понимаешь! Я докажу, когда ягоды вызрѣютъ... Ахъ, мошенники... Какъ я не хотѣлъ брать!..

Увѣренность капитана гасла. Онъ уже не такъ ревностно оттаскивалъ черепахъ.

— Что еще? — крикнулъ онъ подходившей горничной. — Какой еще грекъ?!

— Спрашиваетъ тамъ... съ кораблемъ.

— Съ кораблемъ? — крикнулъ Жоржикъ. — Это онъ!..

Да, это былъ онъ. Въ виноградникъ пробирался Димитраки, нарядный, въ сѣрой тужуркѣ капитана: онъ даже навязалъ на шею что-то въ родѣ краснаго галстука. Видъ его былъ торжественный. Онъ держалъ большую модель трехмачтовой шхуны съ поставленными парусами и голубымъ полосатымъ флагомъ.

— Ахъ, мошенники! — ворчалъ капитанъ, исподлобья смотря на Димитраки.

— Добри день. Дравстуй. Тебѣ дѣлалъ.

Димитраки держалъ модель передъ самымъ носомъ капитана.

— Гм... Хороша... — сказалъ капитанъ разсѣянно. — Поставь.

— Дядя Миша! Это же тебѣ Димитраки... — съ укоромъ воскликнулъ Жоржикъ.

— Ге!.. Нашъ, гречески... Ты мнѣ, я тебѣ. Вотъ... — показалъ грекъ на пиджакъ.

Мы прекрасно знали слабость капитана къ морскимъ моделямъ. Шхуна, видимо, ему очень понравилась. Онъ оставилъ черепахъ и долго разсматривалъ модель.

— Удачно. Спасибо. Да, вотъ что... Скажи ты мнѣ, братецъ, по чести... Ты чего-нибудь понимаешь въ виноградѣ? Это что за виноградъ? какой сортъ?..

— Хіось зналь... забуль... Тэтотъ?

— Этотъ. Видалъ такой?

— Хе... — покачалъ Димитраки головой. — Волёвоко, плёхой...

— Какъ, плохой?! Э-тотъ виноградъ?!

Мы всѣ посмотрѣли на капитана. Димитраки нанесъ ему послѣдній ударъ.

— „Воловье-око“-съ... это ужъ всякій скажетъ... Очень просто... — подтвердилъ Антонъ.

Капитанъ даже плюнулъ.

— Заладили! Ахъ, мошенники! Навязали,.. И какъ сердце не лежало... По глазамъ видно было, что мошенникъ... Ничего вы не смыслите! — перемѣнилъ онъ тонъ и подбодрился. — Увидимъ, какъ вырѣветъ!

Онъ могъ утѣшать себя, но слава „кі-у-рі-у“ уже померкла.

— Свадьба... — показалъ Димитраки на черепахъ. — Какой толпа!

Жоржикъ поглядывалъ на капитана, смѣясь глазами. Капитанъ стоялъ хмурый.

— Это я... — сказалъ Димитраки Жоржикъ, показывая на черепахъ. — Онѣ сидѣли въ ямѣ...

— Ге?.. — не понялъ Димитраки. — Зацѣмъ сидѣль?

— Дядя Миша! Вѣдь все равно...

— Крупный? — вдругъ сказалъ капитанъ, раздумывая. —

То-то онъ бормоталъ, что крупный... Мошенникъ... Ну? — взглянулъ онъ на Жоржика — И это все ты?

— Я... — сказалъ Жоржикъ гордо. — Это особенныя черепахи. Спроси у Димитраки.

— И вы не знали? — спросилъ меня капитанъ, подмигивая на Жоржика. — Ахъ, шельмецъ!

Я показалъ записку.

— Мда-а... „О-тра-вил-ся“.. Пи-сака! Поди сюда...

Онъ взялъ Жоржика за щеку и притянулъ. Нагнулся къ его уху и что-то шепталъ. И по мѣрѣ того, какъ шепталъ онъ, замазанная рожица свѣтлѣла, расплывалась. Глаза перешли на шхуну, потомъ на Димитраки.

— Димитраки, — началъ Жоржикъ, все еще слушая нашептываніе капитана и улыбаясь. — Вы останетесь пить съ нами чай... Что? — переспросилъ онъ капитана. — Нѣтъ, кофе... Можно?

— Мозна, — сказалъ грекъ.

— А эта шкуна теперь моя. Можно?

— Совсѣмъ мозна.

Двѣ маленькія руки обвили толстую красную шею полнокровнаго капитана, и въ это время его лицо приняло видъ непередаваемаго благодушія. Въ эту минуту эти слабенькія руки могли дѣлать съ нимъ, что угодно, несмотря на „желѣзный“ его характеръ.

Наконецъ, мы отправились, покинувъ сильно потрепанныя „японскія лозы кі-у-рі-у“.

— А это меня, знаете, радуетъ... — сказалъ капитанъ.

— По крайней мѣрѣ, вы убѣдились, что этотъ сортъ...

— Не это! Ну, ихъ... Я про парня... Никому не сказать и... Это, знаете, показываетъ характеръ... Это меня, положительно, радуетъ!..

Не знаю, чего здѣсь было больше — характера или еще чего... Знаю только, что это утро было самымъ свѣтлымъ на дачѣ капитана. Потомъ пошло... Но объ этомъ послѣ.

Въ тотъ же день остатки черепахъ были забраны въ большую корзину, и Жоржикъ съ Антономъ вынесли ее къ зарослямъ, за шоссе.

IX.

Это было веселенькое происшествіе. Но, какъ и всегда въ жизни, „за благомъ вслѣдъ идутъ печали“... И онѣ пришли.

Много радостей въ нашу жизнь вносили прогулки въ морѣ. Мы забирали провіантъ, походный кофейникъ и уходили въ море подъ парусомъ. Съ нами иногда отправлялся и Димитраки. Но душой всего дѣла, конечно, былъ капитанъ. Какъ боевой конь, слышавъ знакомый сигналъ трубы, настораживается, дрожить и перебираетъ ногами, такъ и почтенный капитанъ преображался, когда попадалъ на воду. Тутъ онъ уже забывалъ, что отнынѣ ему приходится лавировать по-суху. Онъ важно усаживался къ кормѣ, въ одну руку бралъ руль, въ другую шкотъ и показывалъ, какъ лихо умѣетъ править. Онъ даже командовалъ самому себѣ:

— Крѣпи! Стопъ! Право на бортъ!

Онъ даже подавалъ въ рупоръ, прикладывая кулакъ ко рту.

Милѣйшій капитанъ! Какого, бывало, страху нагоняли вы, лихо мѣняя парусъ! Прошло время, и не услышу я больше раскатистый хохотъ и это зычное:

— Лѣво руля!

По старой привычкѣ, Димитраки присаживался на-корточки на самомъ краешкѣ борта, покуривалъ и плевалъ въ волны и всѣмъ своимъ небрежно-суровымъ видомъ напоминалъ бывалаго, просоленнаго моремъ рыбака.

Иногда капитанъ уступалъ мѣсто Димитраки, и мы могли любоваться, какъ старый рыбакъ еще ловко справлялся съ дѣломъ.

— Bravo! — восхищался и капитанъ. — Быть бы тебѣ у меня боцманомъ!

Въ такія прогулки завѣтнымъ желаніемъ Жоржика было ѣхать какъ можно дальше, хотя бы на край свѣта.

— А если все ѣхать, ѣхать, — говорилъ онъ, вглядываясь вдаль, — куда бы мы попали?

— Въ Турцію! — кричалъ капитанъ.

— Трабизонъ... — отзывался Димитраки. — Карашо...

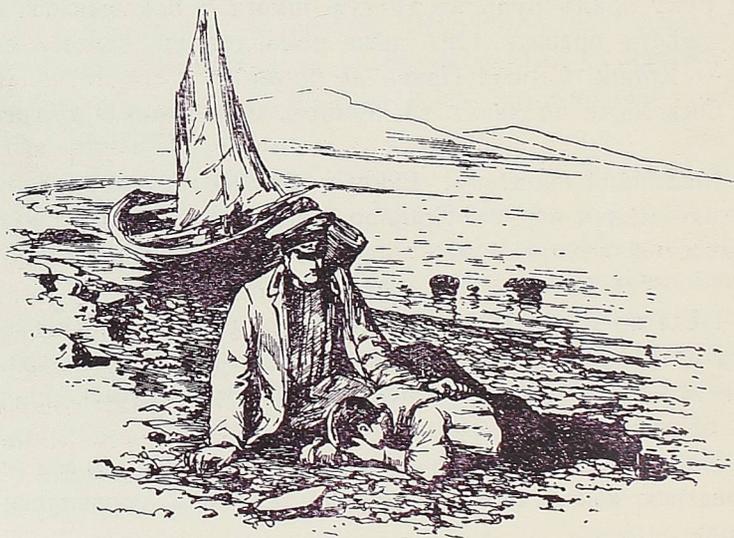
— А къ вамъ, въ Грецію, на Хіосъ?

— Совсѣмъ далека.. Трабизонъ, потомъ далека...

— А въ Каиръ, можно?

— Не можна... Не знай... Трабизонъ можна, Хиось можна...
— Можно и въ Каиръ, — отзывался капитанъ. — Лѣво
руля!..

Помню, въ началѣ іюля возвращались съ такой прогулки. Жоржикъ былъ очень веселъ, даже смѣшилъ всегда унылаго Димитраки. Но когда стали подходить къ берегу, оживленіе его пропало. Сидѣлъ, ни слова, и смотрѣлъ на воду. Море было спокойно, ни малѣйшаго вѣтерка; пришлось подходить на веслахъ. И странно: эта тишина на морѣ и глухое молчаніе, которое пришло какъ-то вдругъ, подѣйствовали удручающе на всѣхъ. Капитанъ уже не командовалъ. Димитраки опустилъ голову.

— Ты что, Зорзикъ? Скуцни, а?
— Ёсть захотѣлъ... — сказалъ капитанъ. — Запоздали
сегодня.
— Не хочется домой... — сказалъ, какъ бы про себя,
Жоржикъ.
— Вотъ и посиди на бережку, а мы обѣдать пойдемъ.
Причалили, Димитраки побрелъ къ себѣ.
— Посидимъ здѣсь... не хочется домой... — сказалъ мнѣ
Жоржикъ. — Немного посидимъ... Ну, пожалуйста.
Мы остались. Капитанъ пошелъ впередъ, наказавъ ско-

рѣй приходить. Сидѣли молча. Тихая грусть чуюлась подъ небомъ, въ нѣжномъ освѣщеніи вечера. Солнце ширилось и краснѣло, опускаясь къ водамъ. Морской куличокъ одиноко стоялъ на берегу, подъ камнемъ. Пискнулъ и полетѣлъ. Жоржикъ лежалъ, ткнувшись лицомъ въ песокъ, словно разглядывая гальку. Прошло минутъ пять.

— Жоржикъ, пора...

Онъ лежалъ, уткнувшись, неподвижно. Вдругъ его плечи вздрогнули.

— Жоржикъ! Ты что... Жоржикъ..?

Онъ тѣснѣе прильнулъ къ землѣ.

— Жоржикъ...

Я взялъ его за плечи, но онъ упирался и не отрывалъ лица. Онъ плакалъ?..

— Мальчикъ... скажи мнѣ... будетъ легче... что это съ тобой?..

Его плечи затрепетали сильнѣй, но онъ все не показывалъ лица: не хотѣлъ, чтобы видѣли его слезы. Онъ трепеталъ, какъ выброшенная на берегъ рыбка. Я взялъ его за плечи и поднялъ. Лицо его было мокро отъ слезъ.

— Оставьте меня! оставьте!! Не хочу, не хочу...

Онъ вскочилъ и побѣжалъ вдоль берега. Я поспѣшилъ за нимъ. Наконецъ, онъ остановился, обернулся.

— Вы не сердитесь? — закричалъ онъ издали. — Вы, пожалуйста, не сердитесь... Мнѣ хотѣлось, чтобы никого, никого не было... Плакать хотѣлось... — сказалъ совсѣмъ тихо онъ, когда я подошелъ къ нему. — Такъ тутъ... у меня тутъ... — показалъ онъ около горла, — тяжело...

Онъ говорилъ, какъ взрослый.

— Что за пустяки! Конечно, не сержусь... Но зачѣмъ же плакать! Мы такъ весело прокатились...

— Да. И мнѣ сперва было весело... Вѣдь сегодня среда, да? Значитъ, былъ пароходъ?! Письмо отъ мамочки! письмо отъ мамочки!..

Онъ запрыгалъ.

— Пойдемте, пойдемте скорѣй!.. Я совсѣмъ забылъ. Пойдемте же скорѣй! Догоняйте меня...

И онъ побѣжалъ быстро-быстро. Потомъ остановился.

— А Димитраки ни отъ кого не получаетъ писемъ?

Должно быть, ни отъ кого... Знаете, что? Давайте, напишемъ ему?..

— О чемъ же ему написать? Онъ и читать-то не умѣеть.

— Онъ получить и покажетъ намъ, а мы прочтемъ. Давайте... Только что же ему написать... Я придумалъ! Напишемъ, что онъ очень хорошо дѣлаетъ фелюги, а? Или, что мы завтра придемъ къ нему въ гости... а?..

Когда мы подходили къ терасѣ, капитанъ поднялся съ кресла и поспѣшно скрылся.

— Дядя Миша прячется! Дядя Миша! Видѣлъ, видѣлъ!.. — закричалъ Жоржикъ и побѣжалъ за нимъ. Я остановился на терасѣ, не понимая, въ чемъ дѣло: капитанъ такъ стремительно исчезъ. На столѣ я замѣтилъ скомканный сѣроватый листокъ.

Телеграмма...

Было слышно, какъ Жоржикъ стучалъ кулачками въ дверь кабинета и кричалъ:

— Отворяй, отворяй! Я видѣлъ тебя, видѣлъ!..

Но дверь не отворялась.

У меня тревожно мелькнула мысль. Что за телеграмма? Сейчасъ Жоржикъ вернется... Я схватилъ телеграмму и сунулъ ее въ карманъ.

— Спрятался дядя... А писемъ нѣтъ?

Жоржикъ, какъ всегда побѣжалъ къ столу.

— Писемъ нѣтъ... — услышалъ я разочарованный голосокъ.

Послышались вѣскіе шаги, и вошелъ на терасу капитанъ. Его глаза были почему-то красны.

— Проклятый комаръ... въ самый глазъ впился... — сказалъ капитанъ, тревожно оглядывая столъ. — Жоржикъ, скажи поди, чтобы подавали...

Жоржикъ ушелъ.

— Гдѣ телеграмма? — спросилъ меня быстро капитанъ. — Спасибо. Плохо... — махнулъ онъ рукой. — Надо ѣхать... Никакой надежды.

Я понялъ, о чемъ говорить онъ.

— Не думалъ, что такъ скоро... Надѣялись... Доктора увѣряли, что поправится... Надо ѣхать, надо ѣхать...

Онъ смотрѣлъ на меня растерянно. Его крѣпкая, величественная фигура въ эту минуту принизилась, сгорбилась.

— Можетъ быть, еще не такъ серьезно..?

— Поймите... у меня никого, никого, кромѣ нихъ..!

Онъ ходилъ по терасѣ изъ угла въ уголъ, схватившись за лобъ и съ силой потирая его, точно хотѣлъ найти, выжать какую-то нужную ему мысль.

— Надо скорѣй, скорѣй... Она ждетъ его. Господи... Какъ ему-то сказать... Надо беречь его... — растерянно повторялъ капитанъ.

Солнце сѣло. Древесныя лягушки начали свою вздрагивающую ночную пѣсню.

— Пароходъ завтра, въ семь утра... Ничего не соображу... Не думалъ, не думалъ, что такъ... Не поѣхалъ бы я сюда... Но доктора... совѣтовали полный покой... Жоржикъ самъ такой хрупкій...

Я вспомнилъ, что случилось на берегу. Откуда это предчувствіе?!

— А писемъ нѣтъ? Дядя Миша, почему же нѣтъ писемъ?.. — спросилъ вернувшійся Жоржикъ.

Капитанъ постарался сдѣлать веселое лицо. Оно вышло кислымъ.

— Будутъ. Ты вотъ что... Завтра мы ѣдемъ... къ мамочкѣ...

— Къ мамочкѣ?! Дядя Миша!..

Онъ не вѣрилъ.

— Ну, да... Захватимъ ее сюда. Она очень скучаетъ... Она совѣмъ... хорошо себя чувствуетъ. Подали обѣдъ?

— Къ мамочкѣ!... Захватимъ!..

Словно кто воткнулъ ножъ мнѣ въ сердце и повернулъ. Я не могъ ни смотрѣть, ни слушать. Смотрѣлъ въ море. Тамъ темнѣло.

— Ёдемъ къ мамочкѣ! — кричалъ Жоржикъ. — Вы слышали? Мы завтра ѣдемъ... къ мамочкѣ..

Онъ прыгалъ возлѣ меня и хваталъ за руки. Я ждалъ: вотъ сейчасъ заплачетъ.

— Почему же нѣтъ писемъ? Откуда же ты узналъ?..

— Говорилъ же, что телеграмма!..

— Телеграмма? Гдѣ она?.. гдѣ?

— Слушайте, вы не брали телеграммы? — дѣловымъ тономъ спросилъ меня капитанъ. — Куда же я ее задѣвалъ... Я тебѣ, кажется, показалъ!

— Нѣтъ... Ты ничего не...

— Забылъ, надо послать ей... Живѣй, Жоржикъ, бумаги, перо...

— А гдѣ же телеграмма?..

— Да отвяжись ты!.. Некогда... потомъ найдется...

— А какъ же заграничный паспортъ, капитанъ? — спросилъ я.

— Это мнѣ въ Одессѣ быстро... Куда же я сунулъ телеграмму? Какъ я радъ, что такъ хорошо... Что значить африканскій-то воздухъ!

— Она совсѣмъ здорова?:.. Мамочка, мамочка!.. А вы не поѣдете? Вы насъ подождете?..

— Конечно, конечно... — суетился капитанъ. — Всего недѣли три...

— Мимо Хиоса поѣдете... — сказалъ я.

— Мимо Хиоса! Мы заѣдемъ, мы заѣдемъ! Если бы зналъ Димитраки!.. Надо скорѣй укладываться... Когда, завтра? Скорѣй, скорѣй!..

Онъ вприпрыжку побѣжалъ съ терасы, и скоро его голосокъ зазвенѣлъ въ комнатахъ. Онъ сообщалъ обо всемъ старушкѣ-экономкѣ.

Капитанъ замахалъ рукой и опустился въ кресло.

— Ну, какъ я ему скажу!..

— Вы какъ-нибудь въ дорогѣ, постепенно...

— Да, да... въ дорогѣ...

— Дядя Миша! Ты сѣрый чемоданъ возьмешь, а я складной? — кричалъ запыхавшійся Жоржикъ. — Сѣрый?..

— Сѣрый, складной...

Весь вечеръ были сборы. Укладывались наспѣхъ. Жоржикъ принесъ изъ сада цвѣтовъ и зачѣмъ-то сунулъ въ чемоданчикъ.

— Это я мамочкѣ, наши цвѣты... Она очень обрадуется? Прибавилъ ракушки, камушки съ берега, какую-то коробочку.

— Что вы улыбаетесь такъ странно? Имъ будетъ скучно же безъ меня! И они увидятъ за границу. Я всегда, когда ъзжу, что-нибудь вожу съ собой. Димитраки-то не знаетъ... Если бы сказать... Пойдемте къ нему! Голубчикъ!..

— Ну, куда же теперь итти... Ночь на дворѣ.

— Ночь... — повторилъ Жоржикъ, всматриваясь въ темное окно.

Была ночь. Море отсвѣчивало подъ звѣздами. Начинаясь прибой. Нарождавшаяся луна давно тонкимъ серпомъ ушла за холмы. Въ чернотѣ ночи яркимъ глазомъ мигалъ маякъ. Легли поздно.

— Какъ море шумить... Это буря?

— Нѣтъ, прибой это. Къ утру стихнетъ. Спи.

— Я не могу спать. Я все думаю...

— О чемъ думаешь-то? Не надо думать. Будешь завтра вареный. Спи.

— Скорѣй бы утро, ско-рѣй... Который часъ?

— Первый. Не будешь спать, еще дольше покажется.

Вздохъ. Море шумить-шумить. Уже не слышно лягушечекъ. Вотъ отбиваютъ склянки въ порту на катерѣ.

— Пароходъ только въ семь часовъ. Еще цѣлыхъ семь часовъ ждать. А, знаете, я все-таки увижу Димитраки... Я Антона просилъ сходить чѣмъ-свѣтъ. Чѣ-ѣмъ свѣтъ. Онъ непременно придетъ. Вѣдь, мало-ли... Можетъ быть, ему что-нибудь нужно въ Хіосѣ... Да?

Подымался южный вѣтеръ, съ моря. Шумѣли деревья въ саду. Пахло дождемъ, отъ моря. Наползали тучи. Грома не было слышно, но далеко-далеко, быть можегъ за десятки верстъ, въ морѣ, шла гроза: играли безшумные свѣты молній. Мигнуло въ комнатѣ. Еще мигнуло.

Я долго не могъ заснуть. Лежалъ на локтѣ и смотрѣлъ на вытянувшуюся у противоположной стѣны фигурку. Онъ уже спалъ. Его усыпилъ шумъ моря. Свѣтъ ночника наводилъ на меня тоску.

Сколько времени я проспалъ — не знаю. Меня разбудилъ крикъ:

— Мама! Мамочка!..

— Что ты, Жоржикъ?..

Онъ сидѣлъ на постели, бѣлый и тонкій, и тихо плакалъ.

— Я видѣлъ... ма...мочку... Она была здѣсь... Она вошла... она была здѣсь..!

Его голосокъ дрожалъ.

— Ты меня испугалъ. Чего ты плачешь? Долженъ радоваться, увидалъ мамочку во снѣ, а ты...

— Я не плачу... Она была тутъ, подошла ко мнѣ...

Вздохъ. Жоржикъ продолжалъ сидѣть, тихій.

— Вы ея не знаете! Она такая... Она мнѣ недавно цвѣточекъ прислала, а потомъ я попросилъ кусочекъ ноготка... У нея розовые ноготки... и такіе то-о-ненькіе пальчики... А

когда мамочка читала, у ней рѣсничка падала... Я ихъ въ коробочку собиралъ... Который часъ?

— Третій. Постарайся заснуть.

— Я стараюсь... да не могу. Вы не спите... не надо спать...

Топ-топ-топ...

Онъ перебѣжалъ ко мнѣ на кровать и обнялъ за спину.

— Можно? Я посижу немного... можно?

Такимъ маленькимъ-маленькимъ и слабымъ показался онъ мнѣ тогда. Я обнялъ его, прижалъ.

Онъ нѣжно прильнулъ ко мнѣ, прижался лицомъ къ моему подбородку, и я почувствовалъ, что его глаза влажны.

— Я люблю васъ, очень люблю... — зашепталъ онъ.

Если бы я имѣлъ власть сбросить съ его пути всѣ камни!..

— Скорое утро... Смотрите, какъ сверкаетъ... Это буря?

Я далъ ему брѹму и заставилъ уснуть. Лежалъ и смотрѣлъ въ темноту, ждалъ молній. Думалъ...

И еще теперь, — а прошло лѣтъ тридцать, — я такъ ярко чувствую этотъ горячій поцѣлуй ребенка, эти заплаканные глаза, темные, въ слабѹмъ свѣтѣ отъ ночника. Я слышу, какъ постукиваетъ сердце за бѣлой рубашонкой. Чуткое маленькое сердце. И теперь, когда маленькія руки обвиваютъ мою шею, и горячая юная щека доверчиво прижимается ко мнѣ, я вспоминаю ночь, швыряющее прибоемъ море, звѣзды, проглядывающія въ обрывкахъ тучъ, свѣты далекихъ молній... И шаги, грузные шаги въ дальней комнатѣ.

тро. Солнце то выглянетъ, то спрячется. Я поднялъ штору. Море слегка волнуется: штормъ не разыгрался. Первое, что я увидалъ во дворѣ, былъ Димитраки. Онъ сидѣлъ на скамеечкѣ и разговаривалъ съ Антономъ.

Мы поздоровались.

— Звалъ Зорзикъ. Ъздилъ совсѣмъ? Вотъ пришла прощаться...

— Да, ѣдутъ.

Я объяснилъ Димитраки. Онъ грустно покачалъ головой.

— Залка мальчикъ... Тутъ у него—корошо... горячо...— показалъ онъ на сердце. — Да, залка... И ти поѣхалъ?

Димитраки задалъ вопросъ, который я и самъ себѣ задавалъ. Я-то какъ? Капитанъ ничего не сказалъ мнѣ. Говорилъ только, что они скоро вернутся. Конечно, вернутся. Телеграмма не оставляла сомнѣній: застануть ли?..

— Жоржикъ, вставай! Димитраки пришелъ.

— Ставай, ставай, Зорзикъ! — говорилъ и Димитраки, заглядывая въ окно. — Какой лѣниви... Солнце сталъ, куры яйцо сносили... Ставай! Димитраки прощаться пришла.

Жоржикъ, въ одной рубашкѣ, подбѣжалъ къ окошку.

— Димитраки!..

Они взяли другъ друга за руки и смотрѣли въ глаза. Да, они любовно смотрѣли въ глаза другъ другу. Одинъ — старикъ, уже забытый жизнью, другой — юный, какъ майскій дождь, какъ первая былинка.

— Уѣзжаю, Димитраки... далеко... — дрогнувшимъ голоскомъ сказалъ Жоржикъ. — Туда... — махнулъ онъ рукой за море.

— А-а-а... Слышалъ... Далекo, заграница... Трабизонъ...

— Далекo. Дальше вашего Хіоса... Знаете, Каиръ?..

— Ге... Хіоса... Далекo.

— Только мы скоро пріѣдемъ. Вѣдь мы только за мамочкой. Она теперь совсѣмъ здорова!

— Ге... Ёзди, ёзди... Богъ далъ, все корошо.

— Я вамъ письмо напишу! Очень хорошо, что вы пришли проститься. Вамъ что нужно? Вѣдь мы на Хіосъ непременно заѣдемъ... Я мамочку попрошу...

— Хіосъ? А-а-а... Цто?.. Ницего... Цего нузно!

— Хотите, я цвѣтовъ вашихъ... акаціи... гвоздики? А?

— Гвоздикъ? Ну-ну... Не забывалъ Димитраки... Вотъ, поминай...

Откуда-то, изъ-за спины, что-ли, — вытащилъ Димитраки бѣлую тросточку. И гдѣ онъ только досталъ такую! Вся она шла винтомъ, кольцами, сквозная и легкая, какъ кружевная. Такихъ я еще не видывалъ.

— На. Дорогу пошелъ. На, сладки... поспѣлъ утро.

Онъ вытащилъ изъ кармана дыньку-скороспѣлку, не больше апельсина.

— На, кушай дорога... Поминай Димитраки.

Димитраки... Всегда угрюмый, суровый Димитраки! Онъ... Да, да. Онъ началъ часто-часто моргать своими темными вѣками. Его поблѣвшіе усы задергались, а широкая, вся въ мозоляхъ, коричневая ладонь мяла бѣлую маленькую ладошку.

— Прощай, Зорзикъ... бѣленькій, короши... Любилъ Димитраки... Богъ тебя любила... Поминай.

Я смотрѣлъ. Что я чувствовалъ? Не помню, но было такъ тяжело. Тѣни пробѣгали по свѣтлому личику Жоржика. Тѣни отъ облаковъ? Дрожала его губка. Заплачетъ? Нѣтъ, не заплакалъ. Еще бы минута молчанія, и... Но какъ разъ Димитраки сдѣлалъ какое-то особенное, вдумчивое лицо и быстро-быстро сталъ шарить по карманамъ. Искалъ, шарилъ. Не потерялъ ли? Нѣтъ. Онъ вытащилъ горсточку сора и хлѣбныхъ крошекъ, крабьихъ лапокъ и мелкихъ стружекъ. Дунулъ, и на темной его ладони остался... кусочекъ камня! Кусочекъ зеленоватаго камня, изъ породы гнейсовъ.

— На, Зорзикъ... Бери, ницего.

— Это... камень?

— Сами крѣпки камень. На Хіосъ стари старикъ, такой святой целовѣкъ даль...

Жоржикъ смотрѣлъ на камень. Я знаю: въ эту минуту въ его глазахъ этотъ осколокъ камня, камня съ Хіоса, можетъ быть, даже съ горы Эліасъ, гдѣ когда-то лежала большая книга, таилъ въ себѣ что-то чудесное.

— Вотъ. Крѣпки камень. Смотрѣлъ на камень — тутъ крѣпка, — показалъ Димитраки на грудь. — Не плакалъ... Стари старикъ говорила... Вѣрна... Горе былъ, смотрѣлъ... — крѣпка.

Понялъ ли Жоржикъ, что хотѣлъ сказать Димитраки? Если и не понялъ, такъ почувствовалъ все, что вложилъ старикъ въ свое послѣднее слово: „крѣпка“. Не выпуская руки Димитраки, онъ отвернулся, что-то хотѣлъ сказать. Два слова разобралъ я:

— Я... буду...

Вырвался, подбѣжалъ къ постели и ткнулся лицомъ въ подушку. А Димитраки заглянулъ въ комнату и спросилъ:

— Ты цто... Зорзикъ?..

Жоржикъ вывернулъ голову и улыбнулся: онъ хотѣлъ быть крѣпкимъ.

— Вы... Я сейчасъ...

Неодѣтый, босой, выбѣжалъ онъ изъ комнаты. Хлопнула дверь, другая...

Бываютъ въ жизни минуты, когда на душѣ становится особенно хорошо, тепло, когда особенно крѣпко вѣришь въ человѣка. Тогда самое свѣтлое бьется въ сердцѣ, и безъ

тревоги глядишь впередъ. И самъ становишься, лучше, чище. Такое я переживалъ тогда.

Вернулся Жоржикъ.

— Вотъ, Димитраки... У меня нѣтъ ничего, но вотъ...

Онъ протянулъ Димитраки портретъ въ хрустальной рамкѣ. Этотъ портретъ стоялъ въ кабинетѣ капитана.

Димитраки взялъ, для чего-то подулъ на стекло и приложилъ къ глазамъ. Глядѣлъ на портретъ. Долго глядѣлъ.

— А-а-а, Зорзикъ... Ти?.. Совсѣмъ живой...

Жоржикъ былъ снятъ въ матросскомъ; въ рукѣ у него было весло; на заднемъ планѣ стояла лодка. Матросская шапочка было сильно сдвинута на затылокъ, открывая большой и ясный лобъ. Свѣтлые глаза смотрѣли открыто, ясно.

— Пароходъ! — крикнули со двора.

Полоска дымка на горизонтѣ.

— Выноси вещи! Жоржикъ готовъ?

Во дворѣ появился капитанъ, готовый къ отъѣзду, съ морскимъ биноклемъ и сумочкой. Онъ пощелкивалъ пальцами и отдавалъ послѣднія приказанія Антону и экономкѣ.

Черезъ полчаса мы были уже на пристани.

— Пожалуйста, поживите... — разсѣянно говорилъ капитанъ, пожимая руку. — У меня голова кругомъ... Пожалуйста... Я распорядился.

Мы обнялись.

— Ну, прощай, Жоржикъ... Милый мальчикъ... прощай.

Онъ не могъ уже говорить. Я не смотрѣлъ на его лицо.

— Мы скоро... Я... я... напишу... скоро...

Димитраки стоялъ въ сторонкѣ. Смотрѣлъ уныло.

— Димитраки..!

Теперь уже не рука за руку. Теперь они прощались поцѣлуемъ, и Димитраки трясъ головой и моргалъ долго-долго, смотря, какъ маленькая фигурка въ матросскомъ костюмчикѣ подымалась на палубу. Кланялись, говорили всѣ взглядами. Третій гудокъ.

— Отдай причалъ!

Побѣжали командные свистки.

— Пишите! — Димитраки!.. — Всего вамъ добраго, капитанъ! — Прощай!..

Димитраки махалъ шляпой.

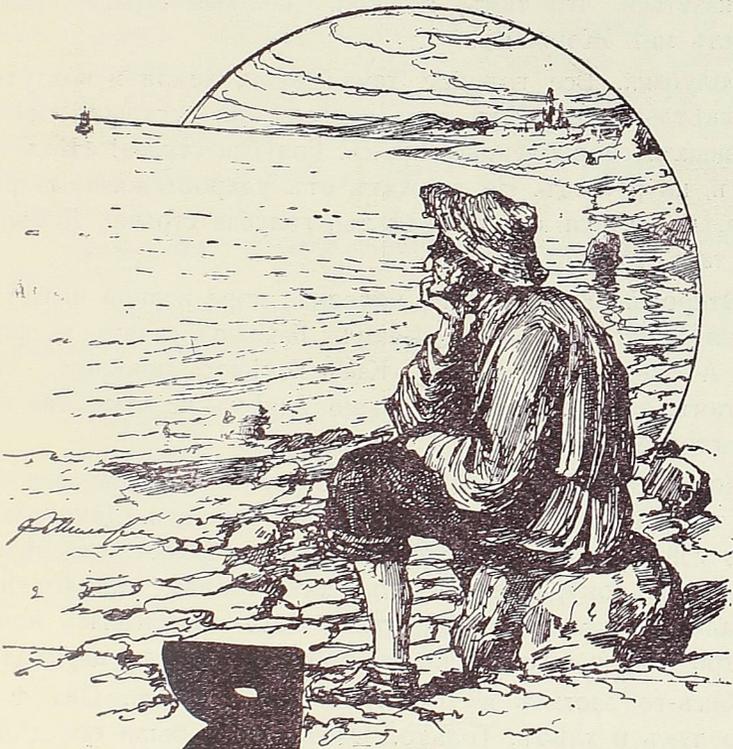
— Позволь... позволь... — кричали ловкіе молодцы, сбрасывая канаты съ тумбъ.

Уже брошены въ море концы. Матросы спѣшно выбираютъ ихъ. Затарахтѣла машина, и кружевная, изумруднобѣлая пѣна воздушно крутится за кормой.

— Уѣхала... — грустно сказалъ Димтраки.
Мы долго стояли и смотрѣли, долго...

Я остался одинъ, ждалъ чего-то.
Чего?

Весь домъ былъ въ моемъ распоряженіи. И лодка, и садъ, и балконъ. И море, и небо, и солнце юга. И тоска... Да, тоска. Теперь, оставшись одинъ, я почувствовалъ пустоту: не было взгляда ясныхъ и чистыхъ глазъ, нѣжнаго голоска и... сердца. Ну, представьте себѣ, что живете вы въ молодой березовой рошѣ, слышите зябликовъ по утрамъ, сладкое воркованье горлицъ, посвистыванье синички бойкой. Слышите шелестъ молодой зелени, видите, играетъ солнце на полянахъ, бѣлѣютъ тонкіе стволыки, высматриваютъ изъ

травки розоватыя хрупкія сырофжки. И солнце, солнце... И вдругъ, васъ сунули въ темноту...

И остался я въ сѣрой тоскѣ, въ предчувствіяхъ. Бродишь по берегу моря, сидишь на камняхъ, смотришь вдаль. Плывуть облака, бѣгутъ волны... Куда? Я щурилъ глаза, какъ дѣлалъ это когда-то тоненькій мальчуганъ. И мнѣ начало казаться, что тамъ, гдѣ-то... „голубая страна“, какъ говорилъ мнѣ Жоржикъ.

Голубая... Все голубое тамъ: небо, земля и воздухъ. Тамъ свѣтлы лица, нѣтъ тамъ ни горя, ни тусклыхъ глазъ, ни черныхъ, скоробленныхъ рукъ. Голубая страна! Нѣтъ ни заплатъ, ни рубищъ. Не дрожитъ отъ ударовъ жизни старая голова, не гнутся спины. Гдѣ ты, голубая страна? Должно быть, тамъ только дѣти...

Откроешь глаза. Камни кругомъ, море волной играетъ, крабики плутовато выглядываютъ, бакланы сидятъ на камняхъ. А синяя даль зоветъ. Какъ хотѣлось повѣрить, что есть тамъ, за ней... есть она, еще никѣмъ не открытая голубая страна!..

Когда становилось особенно тоскливо, я поднимался въ горку, къ знакомому старому орѣху. Вотъ и нора. Димитраки, все въ той же порванной кофтѣ, долбитъ фелюги, вырѣзываетъ палки, покуриваетъ на порожекѣ. Молча, подолгу посиживали мы съ нимъ. Смотрѣли, какъ надвигалась ночь, какъ три огня плыли далѣко въ морѣ: проходилъ цароходъ.

Какъ-то засталъ я Димитраки за обѣдомъ. Онъ ѣлъ только лукъ и хлѣбъ. Только. Очень плохи были его дѣла.

— Скупой люди. Фелюгъ двѣ недѣли дѣлалъ — рубль давала. Э... плѣхо.

Попрежнему приползала черепаха, залетала привыкшая къ нему сойка. Часто мы вспоминали Жоржика.

— Письмо получилъ, Димитраки... Вотъ.

Письмо было изъ Одессы. Коротенькая открытка въ три строчки. Были только поклоны.

Димитраки выслушалъ, повертѣлъ письмо и сказалъ:

— Зорзикъ писала... помнила...

Еще черезъ недѣлю получилъ я открытку со штемпелемъ „Хіосъ“. Путь на Александрію лежалъ черезъ Хіосъ, и пароходъ заходилъ туда. Я показалъ Димитраки. Онъ

долго разглядывалъ, узналъ турецкую марку и ткнулъ пальцемъ.

— Турцій... заграница... Знай, знай... Тра-бизонъ!

Я прочелъ ему это письмо съ милыми мнѣ каракулями:

„Милый и дорогой.....! Мы ужъ на Хіосѣ. Тутъ очень хорошо, но про Димитраки никто не слыхалъ. Я спрашивалъ одного грѣка онъ продаетъ тоже карабли... Горы пожалуй голубые. Мамочка простудилась и лѣжитъ, дядя Миша читалъ письмо. Мнѣ скучно дядя Миша скучный. По русски тутъ ни говорятъ. Дядя Миша все молчитъ. Скажите Димитраки, что я биригу камушекъ и еще взялъ на пристани для него и для васъ. Почти какъ мой. Очень скучно... Намъ еще два дня ѣхать... Целую васъ и Димитраки. Вашъ Жоржикъ“.

Димитраки слушалъ внимательно и долго разглядывалъ открытку.

— Да, да... Сами такой, — говорилъ онъ, тыкая въ голубоватую открытку пальцемъ. — Такой голубой гора... Коршо.

— А теперъ давайте-ка кофейку попьемъ.

Димитраки передернулъ плечами и покачалъ головой.

— Ни... хофе ушелъ... ни...

У него не было кофе, послѣдней его отрады. Я далъ ему денегъ.

— Ни.

— Отъ Жоржика вамъ. Онъ прислалъ.

— Ге... Зорзикъ? Ну-ну...

Отъ Жоржика онъ не могъ не взять.

Недѣли черезъ три я получилъ, наконецъ, письмо отъ капитана. Съ радостью сообщалъ онъ, что, какъ-будто, мелькаетъ еще надежда. Жоржикъ не разстается съ мамочкой.

„Если бы вы только видѣли! Нѣтъ, Богъ смилуется надъ нами“.

Капитанъ просилъ меня подождать ихъ до осени. Дѣлалъ намекъ, не соглашусь ли я ѣхать къ нимъ. Ѣхать къ нимъ! Я съ удовольствіемъ бы поѣхалъ, но у меня были свои дѣла; черезъ мѣсяцъ университетъ, работа.

Приложенныя къ письму каракули Жоржика не оставляли сомнѣній, что онъ очень счастливъ.

Что оставалось дѣлать? Я написалъ капитану сердечнѣйшее письмо и высказалъ надежду продолжать заниматься съ Жоржиномъ, когда, Богъ дастъ, мамочка поправится, и мы снова увидимся. И Жоржику написалъ... Много написалъ.

Передъ отъѣздомъ зашелъ къ Димитраки попрощаться.

Былъ сумрачный день послѣ разыгравшагося наканунѣ шторма. Старикъ сидѣлъ на порожекѣ и обжигалъ раскаленнымъ гвоздемъ тросточки. Сколько онъ передѣлалъ ихъ!

— Прощайте, Димитраки. Буду.

Грекъ взглянулъ на меня съ тоской: очевидно, не ожидалъ.

— Ёдишь? И ти ёдишь?

Положилъ гвоздь и палку. Смотрѣлъ растерянно.

— Виноградъ скоро. Зачѣмъ ёхаль?.. Не надо ёхаль!

Виноградъ... Въ этомъ одномъ словѣ — „виноградъ“ — я почувствовалъ тягостную тоску. Этимъ словомъ онъ хотѣлъ удержать меня, этимъ сладкимъ словомъ! Да, съ нами онъ, пожалуй, не чувствовалъ себя одинокимъ. А теперь... Одинъ, никого... Нора въ землѣ, палки, мангалъ... и старый, никому-то ненужный человекъ. Въ чужой сторонѣ... Онъ, вообще, былъ неразговорчивъ, но если бы захотѣлъ сказать, онъ, конечно, сказалъ бы, что въ эти послѣдніе дни не совсѣмъ холодно было его душѣ.

Но онъ ничего не сказалъ.

Я взялъ его руку, обѣ руки. Сухія были онѣ, холодныя. Пожалъ крѣпко, жалко было его, одиночества его было жалко. Далеко голубой Хиосъ и гора Агіосъ-Эльясъ — далекое, родное.

Въ эту минуту, когда мы такъ стояли — я, молодой и полный надеждъ, и этотъ одинокій старикъ, — въ эту минуту у нашихъ ногъ что-то завозилось.

Черепаша! Она царапала старыя чувяки Димитраки, вытягивала шейку.

— Пришелъ мой черепахъ... Киш-киш... Одинъ ходитъ.

У него оставалась только черепаха.

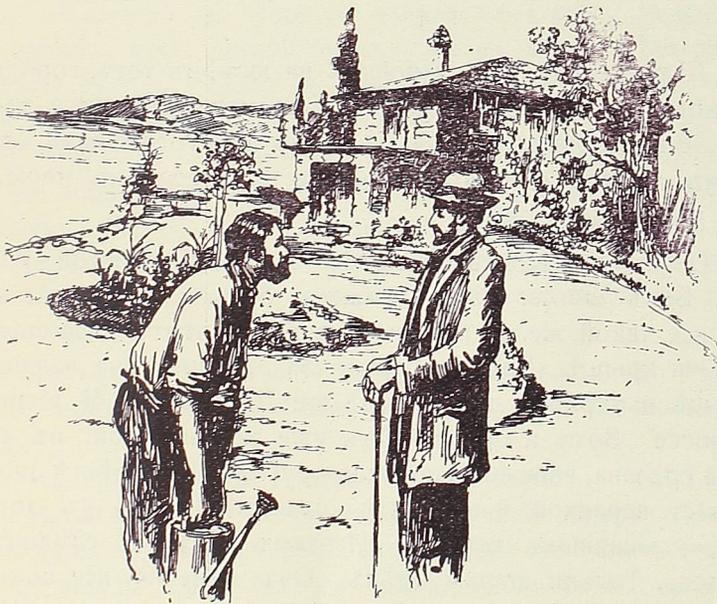
И мнѣ Димитраки подарилъ палку, крѣпкую, съ затѣйливымъ корневищемъ. Но не подарилъ „камушка“. Можетъ быть, у него и не было больше; можетъ быть, такой „каму-

шекъ“ и не нуженъ былъ мнѣ, по его мнѣнію, — не знаю. Я-то знаю: не нуженъ. У меня „крѣпка“ тутъ, я, какъ-будто, нашель секретъ не падать духомъ. Особенно теперь, когда своими глазами видѣлъ, какъ люди живутъ и смотрять горю въ лицо.

Вотъ и опять я качу на сѣверъ, и снова степи, и ночные огни. И груды угля на станціяхъ, и черныя толпы шахтарей. Вижу людей съ мѣшками, ожидающихъ поѣзда.

Вырастаютъ на ровной дали огромные кресты — тяжеля крылья вѣтряковъ. Кланяются землѣ, какъ-будто; благо словляютъ поля.

XIII.

На сѣверѣ, зимнимъ вечеромъ, получилъ я письмо. По крупному почерку, по пирамидкѣ на голубоватой маркѣ я понялъ, что письмо съ невѣдомаго мнѣ пламеннаго юга. Писаль капитанъ.

„Мамочка“ умерла. Жоржикъ перенесъ тяжелое потрясеніе, но послѣдствія таковы, что, по совѣту врачей, капи-

танъ рѣшилъ остаться на югѣ. Они поселятся въ Провансѣ, на югѣ Франціи.

„Я одинокъ“, — писалъ капитанъ. — „Только онъ одинъ, мой Жоржикъ, остался у меня. Я долженъ сберечь его. Тяжело мнѣ вдали отъ родины, но что подѣлаешь! Доктора совѣтуютъ держать его въ мягкомъ климатѣ, у теплаго моря, подъ солнцемъ...“

Капитанъ звалъ меня, звалъ и Жоржикъ, но я не могъ поѣхать. Потомъ я узналъ, что имѣннице на морскомъ берегу капитанъ продалъ, что Жоржикъ поступилъ въ русскій пансіонъ, что его здоровье неважно, все такъ же блѣденъ и хрупокъ. Потомъ письма стали приходить рѣже. Дальше и дальше расходились дороги.

Лѣтъ черезъ пять я попалъ на югъ, въ тотъ городокъ, гдѣ когда-то мы такъ хорошо проводили время. Все по-старому. Вонъ дача капитана. Не видно изъ гостинницы орѣха, но онъ сейчасъ же откроется, если спуститься къ морю.

Димитраки... Живъ ли?

Первымъ дѣломъ я пошелъ знакомой дорогой къ берегу. Вотъ шоссе. Тамъ долженъ быть и орѣхъ. А, вонъ онъ, все такой же. А гдѣ же горка?.. Бѣлѣетъ дача съ шпилемъ на крышѣ. Гдѣ же горка? За это время на высококомъ пустырьѣ выстроили дачу. А гдѣ же Димитраки? Я поднялся по шоссе. Вотъ и орѣхъ. Онъ уже за рѣшеткой, въ саду. Горка срѣзана, выжжены заросли кругомъ. И на мѣстѣ „норы“ домъ съ верандой, и на мѣстѣ „плантаціи“ садъ съ дорожками, усыпанными галькой. Играютъ дѣти. И слѣдовъ не осталось. Только старый орѣхъ. Онъ, конечно, все помнить и все видѣлъ. Димитраки! Вышибла его жизнь съ послѣдней его позиціи, изъ его „норы“. Куда швырнула, съ палками и фелюгами? съ его неизмѣнной черепахой? И спросить не у кого.

Но видъ на море все тотъ же, чудесный. Тѣ же синѣющія дали.

Я направился къ дачѣ капитана. Дощечка у воротъ

сказала мнѣ еще разъ, что дача продана. Садовникъ поливалъ розы. Радостно я узналъ Антона.

— Антонъ, это вы?!

Онъ не узналъ меня, приложилъ руку къ глазамъ, всмотрѣлся.

— Э-э... Признаю. Жили тогда, съ мальчикомъ-то ходили. Какъ же, какъ же... Дачу-то продали ужъ... Я-то остался.

— А что съ Димитраки? гдѣ онъ?..

Вспомнили про черепахъ, про „ки-ки-ри-ки“.

— Третій ужъ годъ, какъ померъ. Это ужъ послѣ его смерти все распланировали, дачу поставили.

Я спросилъ, не знаетъ ли Антонъ чего о послѣднихъ дняхъ Димитраки.

— Самъ-то не видалъ, ѣздилъ въ Одессу за кустами. А слыхалъ такъ. Зимой было, ужъ къ веснѣ. Шли рабочіе по шосе, турки... Зашли съ дороги къ нему въ нору, толкнулись огоньку попросить, а ужъ онъ готовъ. Лежить на постели, мертвый. Одинъ померъ. И не видалъ никто, болѣлъ ли. Въ городѣ-то его давно не видать было, и знакомыхъ-то не было... Кто къ нему, въ дыру-то, ходилъ? Никто. Похоронили... Муру-то всю его, лодчонки тамъ, продали, на поминъ души. Хоронили ничего... честь-честью, тоже, православный.

Вотъ что узналъ я. Печально. Померъ, одинъ. Можетъ быть, черепаха была?.. Спала въ уголку, — вѣдь зимой было дѣло.

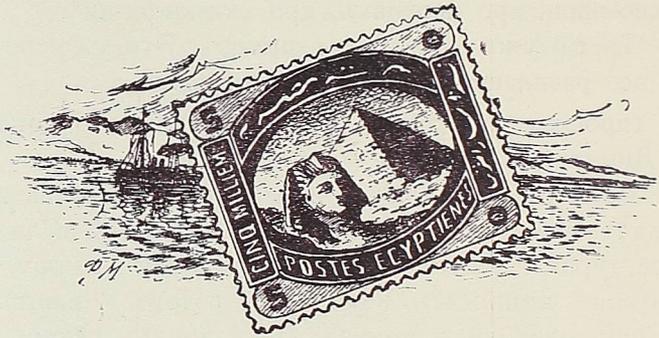
Недолго я пожилъ тамъ. Скучно было.

Написалъ Жоржику, но не получилъ отвѣта. Перемѣнили адресъ? Но я увѣренъ, что встрѣчу ихъ. Быть можетъ, и они ищутъ меня. Велика земля, много на ней дорогъ, и не всегда скрещиваются онѣ. Мы затерялись... пока.

Частенько спрашиваю себя... Гдѣ теперь Жоржикъ? Живъ ли? Какой онъ сталъ? Такъ же ли чутко его сердце? Или съ годами все мягкое, чуткое ушло, развѣяно вѣтромъ жизни, какъ нѣжный весенній цвѣтъ? Не хочется думать, повѣрить въ это. Нѣтъ, онъ не измѣнился. Крѣпче стала его рука, глубже глядятъ глаза, а сердце попрежнему горячо и чутко.

Когда поѣздъ мчитъ меня по степямъ, мимо далекихъ огней, я вспоминаю свѣтлые милые глаза. Жоржикъ стоитъ, какъ-будто, возлѣ меня, положивъ тонкую руку на плечо, и вдумчиво, съ любопытствомъ, спрашиваетъ:

— Какъ вы на это смотрите?..

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Вышли изъ печати:

- 1 и 2. Д. С. Мережковский. — „Наполеонъ“, т. I и II.
- 3, 4 и 16. Е. Н. Чириковъ. — „Отчий домъ“, романъ, т. I, II и III.
5. А. В. Амфитеатровъ. — „Заря русской женщины“, очерки.
6. З. Н. Гиппиусъ. — „Петербургскій дневникъ“. 1914-1918 гг.
7. Б. К. Зайцевъ. — Разказы.
8. А. И. Купринъ. — „Елань“, разказы.
9. И. С. Шмелевъ. — „Въездъ въ Парижъ“, разказы.
10. А. М. Ремизовъ. — „По карнизамъ“, повѣсть.
11. К. Д. Бальмонтъ. — „Въ раздвинутой дали“, поэма о Россіи.
12. И. А. Бунинъ. — „Грамматика любви“, разказы.
14. А. В. Амфитеатровъ. — „Русскій попъ XVII столѣтія.
15. В. Н. Ладыженскій. — „За рубежомъ“, разказы.

Учебники:

- Л. М. Сухотинъ. — Исторія Среднихъ Вѣковъ.

Печатаются:

17. Д. С. Мережковский. — „Атлантида — Европа“.
18. С. П. Мельгуновъ. — „Трагедія адмирала Колчака“, ч. I.
20. А. И. Купринъ. — „Колесо времени“, разказы.

Готовятся къ печати:

13. А. М. Ремизовъ. — „Ровъ львиный“, романъ.
19. С. П. Мельгуновъ. — „Трагедія адмирала Колчака“, ч. II.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Вышли изъ печати:

1. И. С. Шмелевъ. — „На морскомъ берегу“.

Печатается:

2. Е. А. Елачичъ. — „Разказы“.

ДѢТСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Вышли изъ печати:

1. Народныя русскія сказки, вып. 1.
2. Народныя русскія сказки, вып. 2.
3. Народныя русскія сказки, вып. 3.
4. Народныя русскія сказки, вып. 4.
5. Саша Черный. — „Серебряная елка“, сказки.
6. Народныя русскія сказки, вып. 5.
7. Народныя русскія сказки, вып. 6.

Готовятся къ печати:

8. Саша Черный — „Румяная книжка“.

Цѣна 20 динаръ.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМИССИЯ.

Палата Академије Наука.
Јакшићева ул. бр. 2. Београд.